

КРЕСТЬЯНКА
№4 АПРЕЛЬ 1963

ЗАПИСКА ИЛЬИЧА

Дворец съездов он увидел уже из Троицких ворот. Остановился, пораженный хрустальной его красотой. А мимо лился людской поток: сегодня здесь торжественное собрание, посвященное дню рождения В. И. Ленина. Захваченный этим потоком, Алексей Федорович опомнился только у широких стеклянных дверей: каждый предъявлял свой пригласительный билет.

Ему, старому колхознику, приехавшему погостить в столицу, пришлось отойти в сторонку. Конечно, очень хочется попасть во Дворец съездов. Да как это сделать?

А люди все шли и шли мимо него, с любопытством поглядывая на овчинную шапку и добротные черные катанки с новенькими блестящими галошами. Алексей Федорович собрался было домой: чего стоять-то зря, все одно не попадешь! — как неожиданно для самого себя двинулся к прозрачным дверям.

Поравнявшись с контролером, приехавшему проговорил:

— Билетика, товарищ, не имею...

Контролер недоуменно оглядел его и вежливо предложил не мешать. Но Алексей Федорович не отходил. У дверей получился затор. Заметив непорядок, к месту происшествия подошел администратор.

— В чем дело? — спросил он строго.

— Билетика, товарищ, не имею, — повторил Алексей Федорович. — А пропустить меня вы все же должны.

— Это почему же?

— Потому... потому, — сбивчиво начал объяснять старик, — я еще вон когда у Владимира Ильича бывал... Правда! У меня и записка его есть. Не верите?

Он торопливо стал расстегивать шубу.

Администратор провел старого крестьянина в свою комнату. Алексей Федорович достал аккуратно свернутый, но уже ветхий листок бумаги со стремительным бисерным ленинским почерком. И вот что рассказал.

...Случилось это в двадцать первом году. По соседству с нашим есть село Бекетово. И вот получают крестьяне того села Алексей Романович Шапошников и Тарас Григорьевич Кондров депешу: мол, приглашают их прибыть немедленно в Москву для совета по важным делам, касающимся крестьянства. А вызывал-то Ленин... Конечно, они поехали. Разговоров об этом в округе, сами понимаете! С простыми мужиками Ленин совет держит. Дело нешуточное!.. А вскоре и мне довелось к самому Ленину обратиться.

Был у нас в ту пору председателем волисполкома Коржев. И то ли зазнался он, став начальством, то ли от природы был дундук и тугодум, но с каким бы делом к нему мужики ни пришли — все волынка да оттяжка. Была у нас одна-разъединственная паровая мельница. Вполне исправная, только приводной ремень там поизносился. А волисполком вместо того, чтобы новый поставить и мельницу в ход пустить, взял да и вовсе ее прикрыл.

Мы к Коржеву. А он кричит, из кабинета выгоняет, надоели, говорит, вы мне со своими домогательствами.

Шапошников и Кондров, которые по вызову Ленина ездили, посоветовали в Москве правды добиваться. И вот снарядили меня в столицу-матушку...

Приезжаю. Хожу по учреждениям. Названия такие, что без передышки и не выговоришь. Пошел насчет ремня в ВСНХ. Говорят, не туда попал. Раз мельница, надо в Наркомпрод. Иду в Наркомпрод. Опять двадцать пять. Раз, говорят, о мельнице хлопчешь, значит, надо в Наркомзем. Ладно. Пошел в Наркомзем. Там, спасибо, выслушали и посоветовали: насчет ремня обращайся в Главкожу. Нашел я и главную эту кожу, а оттуда послали в Траматомз, значит, в транспортно-материальный отдел государственного объединения машиностроительных заводов. Сходил туда. А там: топай обратно в Наркомзем. Проси у них наряд на ремень. Только вряд ли дадут. Я снова в Наркомзем. Точно в колесо какое попал. Крутится оно, вертится, а проку никакого. Рассказал я об этой канители своему земляку — он в ту пору курсантом был в военном училище в Лефортове, — он мне и говорит: «В Лефортове будет собрание, Ленина ждут, приходи».

Прихожу я. Говорит один с трибуны, но не Ленин: я его по портретам сразу бы узнал! Тут кто-то усаживается на пустое место рядом со мной, я в самом последнем ряду сидел.

— Давно товарищ ораторствует? — спрашивает меня сосед.

— Давно, — говорю.

— А что, — спрашивает, — дельное говорил?

— Дельного, — отвечаю, — ничего как бы и не было... Все больше мировую буржуазию кроет. Тянет, должно, время, пока Ленин приедет. Ведь все Ленина ждут...

Сосед мой в ответ: «Простите, товарищ», — и встает. Тут я взглянул на него и обомлел. Да это же сам Ленин! Тут и другие Ленина заметили. Стали в ладоши бить. А я вовсе растерялся, думаю про себя: «Эх, дурень, дурень! Такой тебе случай выпал: сам Ленин с тобой рядом сидел, а ты?»

Откуда только у меня смелость взялась, потянул я Ленина за рукав.

— Товарищ Ленин! — А у самого горло от волнения пересохло. — Я аккурат вас тут дождался. Очень нужно мне с вами поговорить...

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 4 АПРЕЛЬ 1963

41-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У Кремлевского Дворца съездов.
Фото В. СОВОЛЕВА (ТАСС).

Слово

«...Мысли, мысли,
Как вы переполнили память!
Неужели отсюда вам выхода нет?..»
Зарябило в окне,
Лег у койки
На камень
Серым клетчатым зайчиком
Тусклый рассвет.
И припомнилась Волга,
Мережи у плесов,
Русской песни разлив
На дороге степной.
Встал Ильич
И пальтишко набросил.
Взгляд скользнул по углам,
По решетке стальной.
И припомнилось вновь,
Как приволжское солнце
Будит в гнездах щеглят
Первым, робким лучом.
Улыбнулся
И потянулся к оконцу,
К посветлевшей стене
Прислонился плечом.

Вновь лунный отблеск в камеру
проник
С бездонного, полуночного неба.
Ильич вздохнул,
Задумался на миг
И стал чернильницу лепить из хлеба.
Потом ее наполнил молоком,
Прислушался
И, сдвинув брови круто,
Раскрыл тяжелый медицинский том,
И за минутой потекла минута.
Немеет от усталости рука,
Глаза от напряжения слезятся.
Но входят вдруг и рядом с ним
садятся

Былые и грядущие века.
Советуют,
Настойчиво зовут,
Подсказывают,
Намечают сроки.
И каторжный,
Неумолимый труд,
Слепя глаза,
Морщивит лоб высокий.
Меж строк чужих невидимой строкой
Ложатся мысли, обретая крылья.
Ночь. Тишина.
Под зябкой полумглой
Спит старый мир, покрытый древней
пылью.

Но суждено помолодеть ему.
Труд Ильича,
До боли труд упорный.
Сквозь пыль и тлен,
Сквозь вековую тьму
Разбрасывает солнечные зерна.

Русь
Знакома была со словом
И с железным,
И со свинцовым,
И с холодным,
Тяжелым,
Каменным,
И с крылатым,
Летучим,

Полез я за пазуху, достал бумажки свои, сую их Ленину:
— Прислали меня от общества... Насчет ремня... Мельница-то стоит.
Владимир Ильич задержался.
— Ну, что ж,— сказал,— раз у вас от общества ко мне дело есть, приходите, пожалуйста... ну, скажем, завтра, в пять часов вечера... Вам удобно?
Я лишь руками развел.
Ленин вытащил блокнот, что-то в нем записал и дал мне записку.
Назавтра я уже с трех часов в бюро пропусков Кремля находился. Показал записку. Ровно в пять часов позвали меня в кабинет Ленина. Потоптался я перед дверью, обеими руками свои космы пригладил и вошел. Владимир Ильич встал мне навстречу. Усадил в кресло, сам рядом сел. И сразу мне как-то спокойно стало. Протянул я Владимиру Ильичу все свои бумажки, вкривь и вкось резолюциями украшенные.

Взял их у меня Ильич, да только читать не стал.
— Попрошу вас рассказать суть дела.
Рассказываю. Владимир Ильич нахмурился. Взял у меня бумажки. Стал листать одну за другой.

— Вот чинодралы поганые! — говорит не то мне, не то самому себе. — Какая безответственность! Вы и в Главкоже были? — спрашивает меня.

— А как же. Два раза был. Им наряд давай от ВСНХ, а в ВСНХ говорят: «Нас это дело не касается».

Владимир Ильич поднял телефонную трубку и, попросив соединить его с Бонч-Бруевичем, пригласил его зайти.

Бонч-Бруевич тут же пришел. Ленин ему:
— Смотрите, Владимир Дмитриевич! Экое безобразие! Человек специально приехал из-под Уфы... Дело пустячное. Чтобы его разрешить, пяти минут с лихвой хватило бы. А его гоняют из учреждения в учреждение. Что же это такое? Трудимся над улучшением госаппарата. А на самом деле? Волокита и неделание того, что обязаны делать! ...И за то и за другое надо наказывать! Я бы виновных в волоките отправлял в тюрьму — для начала хотя бы, скажем, часов на шесть или десять. За неделание еще строже бы наказывал. Надо этих чинодралов гнать со службы палкой, а кого следует и арестовывать!.. Вот ведь загоняли прямо-таки человека. Ходит он, ходит из учреждения в учреждение, и никто ему толком ничего не объяснит. Так я говорю?

— Совершенно так, товарищ Ленин... Хожу, хожу по трамотам и губсоюзам всяким, а толку ни на грош, только мутокаются!

— Вот видите, Владимир Дмитриевич! Только мутокаются! — повторил Ленин мое слово. Должно, понравилось ему. — Прошу вас, Владимир Дмитриевич, помогите товарищу!

— Хорошо, Владимир Ильич! Допускаю, правда, что тут не злая воля тех или иных работников действовала, а просто их безрукость, может быть...

— Ну, и что с того? — перебил Ленин. — Раз допустили волокиту, пусть ответ держат! Разве какой-нибудь безрукий болван в нашем аппарате лучше, нежели прямой саботажник, окопавшийся в советской канцелярии? Нет, нет, всех чинодралов кнутом! Не то задущат они все дело... А вам, — обратился ко мне Ленин, — можно возвращаться домой. Дело с трансмиссией мы тут сами решим. Приводной ремень будет вам доставлен в кратчайший срок. Это под вашу ответственность, Владимир Дмитриевич!

— Благодарствую! — отвечаю. — И извиняйте, что по мелковажному делу вас отвлек, Владимир Ильич.

— Не извиняйтесь, товарищ, и не благодарствуйте! Незачем. Мы обязаны в каждое дело входить, а ваше дело правильное!

— Вот кабы Коржев наш так рассуждал! — вырвалось у меня.

— Это кто же такой Коржев? — заинтересовался Ленин.
Я объяснил. Председатель, мол, нашего волисполкома. Такой-сякой, на всех орет, прямо по-старорежимному...

Рассердился тут Владимир Ильич необычайно.
— А вы герпите? И откуда только такие типы у нас берутся! Откуда у них эта чванливость, эти повадки вельмож?.. Надо напомнить такого рода Коржевым: народ дал власть. Он же, народ, может дать пинка тому, кто так возмутительно себя ведет.

Вышел я от Ленина — легко на сердце стало удивительно! Когда проходил мимо бюро пропусков, попросил вернуть мне на память записку, что Ленин дал. Спасибо, уважили. И вот она, эта записка.

До начала собрания оставалось несколько минут. Эскалатор продолжал доставлять вниз, к гардеробу Кремлевского Дворца, новые сотни людей. Среди них промелькнуло на мгновение и радостно улыбающееся из-под овчинной шапки лицо старого крестьянина.

Пламенным.
Слово души бросало в дрожь,
Гнало страх
И крепило силы,
В руки вкладывало нож,
Топоры,
Рогатины,
Вилы.
А потом, призывая к мести,
Задыхалось на Лобном месте,
Или в песне под звон кандалный

Шло сквозь вьюги к острогам дальним.
Как набат, грохотало слово,
Гулким эхом небо качало.
Но с невиданной мощью новой
Слово вспыхнуло,
Зазвучало,
Засветилось над нашим строем,
Над сплетеньем дорог, судеб.
Слово ленинское, простое,
Как земля,
Как насыщенный хлеб.

Суд народов

Опять, как и в сорок шестом, документальный кинорассказ о суде над фашистскими военными преступниками в Нюрнберге демонстрируется при переполненных залах. Когда фильм «Суд народов» впервые вышел на экраны мира, измученные войной люди меньше всего думали о том, что семнадцать лет спустя эта кинолента все еще не будет списана в архив.

За эти годы подросло новое поколение, не знающее, что такое бомбежка. Но и оно отлично понимает, почему фильм, снятый семнадцать лет назад, не забыт. Не надо быть особо искусственным в политике, чтобы почувствовать: фильм тревожен сегодняшней тревогой.

Военный психоз, с которым, хотелось думать, было на веки вечные покончено, продолжается. Продолжается, несмотря на то, что фашистские главари были повешены в Нюрнберге и прах их развеян по ветру.

Уже тогда нашлись люди подозрительно мягкие. Разделив с нами победу над фашизмом, они стали крестными отцами реваншизма. Речь идет об империалистах США.

Бесспорно, что ни оператор Кармен, ни автор текста писатель Борис Горбатов не пытались быть пророками, когда работали над фильмом. Просто Кармен был чрезвычайно точен и объективен, как и подобает кинодокументалисту. Просто Горбатов, писатель большого таланта, вложил в текст всю ярость и всю любовь своего сердца. Но так сложились в мире обстоятельства, что сегодня первым планом фильма стало то, что семнадцать лет назад было его подтекстом. Восхищение за кадром: «Помните Нюрнберг!» — звучит поистине символически. Зрители знают, кому оно адресовано.

...Майданек, Освенцим, ряды виселиц в Волоколамске, Керченские рвы — кровавые вехи на пути фашизма. Вы видите, как сидящие на скамье подсудимых гитлеровские министры и военачальники Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Йодль взирали на свои преступления. Преступления против мира и человечности. В зале суда им показывают страшные — до крика — кинодокументы о гибели городов, деревень, о продуманном, садистском глумлении над человеком. Кстати, авторы этой хроники — фашистские кинооператоры, так что свидетельства их не могут быть взяты под сомнение.

В прошлом и позапрошлом году были сняты кадры, составляющие теперь финал фильма. Как видно из кинодокументов, фашизм опять поднимает голову, опять на домах Бонна появилась черная зловещая свастика. Опять слышен грохот подкованных железом сапог на улицах городов Западной Германии. В кадре — бывший военный министр Штраус, требующий атомного оружия для бундсвера; Шпейдель и Оберлендер, выкорышши фашизма, вслух мечтающие о реванше. Неужели все повторится? Люди, помните Нюрнберг!

Будто в ответ на это резко меняется кадр — и на экране демонстрация. Бесконечным потоком люди идут только затем, чтобы заявить о своей воле к миру.

Солидарность людей, вооруженных единственным видом оружия — волей к миру, — самая добрая на земле сила. И самая мощная, ибо она — и это доказано не раз — способна противостоять мегатоннам водородных бомб.

Если бы существовал рекомендательный список кинокартин, где фильмы назывались бы в строго продуманной последовательности, тогда после «Суда народов» несомненно бы значился документальный фильм «Набат мира», снятый режиссером И. Копалиным и группой операторов.

Есть в кинематографии термин «эффект присутствия». Те, кому приходилось бывать в кинопанораме, знают, что это такое. Границы между экраном и зрителем будто бы не существует. Похоже на то, что ты сам живешь и действуешь в фильме.

Но бывает, что и привычный экран сыграет с тобой такую же шутку. Это случается тогда, когда фильм, как говорят, захватывает. Иными словами, начинаешь переживать вместе с его героями. Посмотрите фильм «Набат мира», и вы согласитесь, что никого не оставит равнодушным кинолента о Все-

мирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир, который проходил в Москве прошлым летом.

На общественном просмотре этой картины в темноте зала раздались рыдания: плакала женщина. Никто на нее не обращивался и не шикал. Каждый думал о своем. Ведь каждому есть что вспомнить, когда речь заходит о войне.

Пожары. Пепелища. «Мессершмитты» над скелетами домов. Лагеря смерти.

Но вот появляются эпизоды, датированные уже не военными, не сороковыми, а пятидесятыми, даже шестидесятыми годами.

Атомный гриб, вросший в самую маковку неба. Самолет, взлетающий с мыса Канаверал. С того мыса, название которого стало символом ядерного истребления. С того мыса, где безумцы готовы нажать кнопку атомной войны. Атомная бомбежка Хиросимы не произвела, как видно, большого впечатления на генералов НАТО. Вот они на экране, уже во всех подробностях предусмотревшие план возможного атомного удара на Советскую страну. Не зря же каждые десять минут страны НАТО тратят на подготовку к войне миллион долларов.

Но им противостоит большинство человечества. На земле идет священная битва за мир. Глядя на экран, думаешь: в словосочетании «борьба за мир» слово «борьба» употреблено в прямом его значении. Кадры показывают, как полиция разгоняет, бьет, вяжет, арестовывает участников демонстрации в защиту мира.

Кинодокументы подтверждают: борьба продолжается. Мужчины, женщины, дети — люди разных наций, разного достатка, разных взглядов идут и идут, подняв над головами самодельные плакаты: «Пусть огонь будет только для света!» Кадры об этом бесконечном шествии с детскими колясками — одни из самых сильных в фильме.

Зрители, разбередившие память, растревоженные, попадают в Кремлевский Дворец съездов в день открытия Всемирной ассамблеи мира. Больше двух тысяч человек из ста с лишним стран — такова статистика конгресса. Многих людей, имена которых известны всему миру, узнаешь на экране.

Конгресс набирает темп. Идут встречи по профессиям. Работают комиссии, где люди спорят, решают и даже подсчитывают, каким богатством обернется для мира разоружение. Делегатов принимают московские заводы и подмосковные пионерские лагеря.

Запечатлено на пленке и выступление на конгрессе Н. С. Хрущева. По мнению большинства делегатов, оно было самым значительным событием московской ассамблеи. Никите Сергеевичу принадлежат слова, подсаказавшие название этому фильму. «Пусть же набат конгресса, — сказал он, — прозвучит над всей землей...»

В конце фильма операторы приводят нас к эпизоду, о котором говорил весь конгресс.

Это произошло 12 июля на концерте художественной самодельности профсоюзов, организованном для делегатов конгресса. На огромную сцену Кремлевского Дворца съездов вышел маленький мальчик и прочитал четыре коротенькие строчки:

*Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!*

Навстречу мальчику поднялся весь зал, больше двух тысяч человек. Они аплодировали. Они размахивали платками и программками концерта. Они не стыдились слез. Это было как торжественное обещание этому мальчику, всем детям земли навсегда сохранить небо чистым. Сохранить небо, и солнце, и детство.

Е. СТИШОВА

ИХ ИЗБРАЛ НАРОД

В нашей стране повсеместно прошли выборы в органы Советской власти. Самые достойные, лучшие из лучших стали депутатами. Нашим избранныкам близки думы и чаяния народа. И, кровно связанные с ним, они готовы все силы свои и знания отдать на службу народу.

Среди вновь избранных много славных тружениц сельского хозяйства. Некоторых из них мы представляем вам.

Шесть тысяч килограммов чайного листа дала обещание собрать в этом году Нази Зондзе. В Чаквском совхозе Аджарии она лучшая сборщица чая. Уже сейчас Нази Зондзе заботится о будущем урожае, многие часы проводит на плантации. Каждый год она собирает все больше и больше чайного листа. Ценят ее односельчане. Поэтому и послали своим депутатом в Верховный Совет Грузинской республики.

Фото Н. АНАСТАСЬЕВА
(ТАСС).

Знатную звеньевую из Житомирской области Надежду Григорьевну Загладу знает ныне каждый. Затянутый ею страстный разговор о совести хлебороба крепко задел многих. Ее искренность и честность, ее хлеборобское мастерство оценены высоко: земляки выбрали Надежду Григорьевну в высший орган государственной власти своей республики.

На областном совещании животноводов Надежду Григорьевну окружили девчата звена Кати Гулий из колхоза имени Шевченко. Следуя почину Заглады, они решили собрать в этом году по 100 центнеров кукурузы с гектара.

Фото П. КЕКАЛО (ТАСС)

П Е Р Е Д В С Е М И Р Н Ы М

Ольга ХВАЛЕБНОВА,
заместитель председателя
Комитета советских женщин

Пройдет еще немного времени, и в Москве начнет свою работу Всемирный конгресс женщин. На призыв Международной демократической федерации женщин принять активное участие в его подготовке и проведении горячо откликнулись женщины всех стран и континентов. Различные международные и национальные женские организации и движения, возлагая на конгресс большие надежды, уже начали активно готовиться к нему. Сам факт созыва такого представительного собрания показывает, насколько возросло стремление женщин к миру, к защите своих прав в обществе и семье, к охране счастья детей. Комитет советских женщин ежедневно получает множество писем и сообщений от женских организаций и видных общественных деятельниц, в которых они рассказывают, что делается ими для поддержки конгресса. Так, видные общественные деятельницы Уругвая выступают с докладами на митингах и собраниях в различных районах страны, разъясняя задачи предстоящего конгресса.

Так же поступили женщины Англии. Представительницы Под-

готовительного комитета разъехались по стране, чтобы познакомиться как можно больше своих соотечественниц со специально написанным к конгрессу призывом.

Активно готовятся к конгрессу женщины Японии. Они собирают деньги на поездку своих 50 делегаток. Сделанные своими руками памятные эмблемы, расписные деревянные безделушки выносят на улицы и продают их. Самой большой популярностью пользуются маленькие серебристые бубенчики. На их мелодичный и радостный звон стекаются толпы и буквально расхватывают их.

Трогательно видеть, как матери-работницы без сожаления отдают последние гроши. «Это для счастья наших детей», — говорят они.

Большой вклад в создание общего фонда солидарности внесли женщины Чехословакии. Коллектив работниц всемирно известного предприятия «Яблонекс», изготовляющего женские украшения, передал в подарок конгрессу полмиллиона оригинальных брошей.

И так повсюду, в каждой стране. Женщины горячо отозвались на призыв МДФЖ считать конгресс своим кровным делом. Чтобы привлечь к его подготовке самые широкие женские массы, используются различные агитационные формы.

Любит и хорошо знает свое дело депутат Верховного Совета РСФСР молодая телятница смоленского совхоза «Талашкино» Надежда Кублицкая. Пятьсот голов крупного рогатого скота вырастила она за три года.

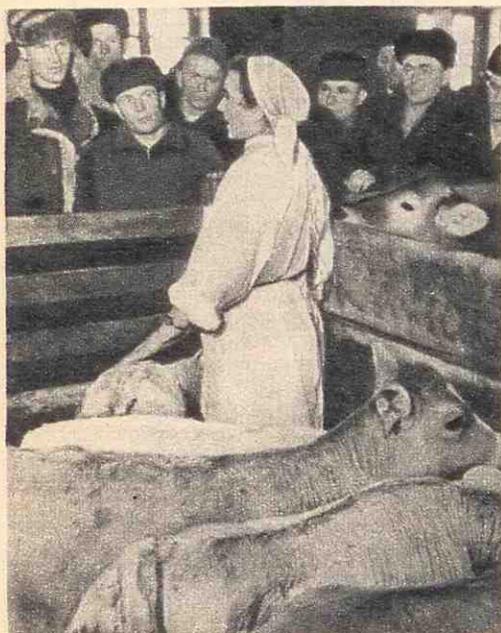
Это она первой в области внедрила в совхозе подсосный метод выращивания телят. Не бывает дня, чтобы к ней не приехал кто-нибудь из животноводов поучиться выращивать молодяк здоровым и без потерь. Коммунистка Кублицкая не таит секретов своего успеха. Она охотно делится опытом с каждым, кто ее об этом попросит.

Фото Э. ЕВЗЕРИХИНА (ТАСС).

Четыре початка закарпатской кукурузы — подарок Евгении Алексеевны Долинюк — привезла Нина Лютова в свой совхоз «Чигилек» два года назад. Уже в прошлом году собрал совхоз по 86 центнеров зерна «королевы полей». В это немало труда и знаний вложила Нина Максимовна. Теперь она депутат Верховного Совета Казахской республики. Женщина оправдывает это высокое доверие — так решили ее избиратели.

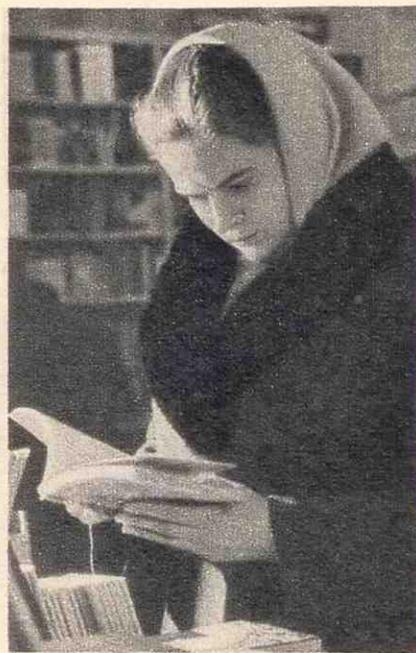
Скоро сев. Н. М. Лютова и главный агроном совхоза В. П. Нагуевский отбирают початки кукурузы для семенных участков.

Фото В. УТЕШЕВА (ТАСС).

После окончания сельскохозяйственного техникума, четыре года тому назад, приехала в колхоз «Ритс» Огрского производственного управления молодой зоотехник Вероника Кальва. Со многими трудностями пришлось столкнуться ей. Но как радостно и уверенно почувствовала себя девушка, когда ее знания, энергия и упорный труд помогли увеличить надой, поднять суточный привес откормочного скота, улучшить артельное стадо! В. Кальва избрана депутатом Верховного Совета Латвийской ССР. Молодой зоотехник не перестает учиться. Узнает она, что появились в библиотеке новые книги, обязательно зайдет: а нет ли чего по животноводству?

Фото Е. ФАДЕЕВА (ТАСС).

КОНГРЕССОМ ЖЕНЩИН

Летом в Москву съедется, так сказать, цвет женщин земли. Советские женщины готовы встретить своих зарубежных подруг с открытым сердцем. Жительницы городов и сел будут рады познакомиться их со своей жизнью. Участницы конгресса получат широкую возможность убедиться в том, что советские люди страстно стремятся к миру и дружбе между народами, неустанно борются и отстаивают мир.

Проведение Международного конгресса женщин в Москве будет происходить впервые. Это возлагает на советских женщин почетные и очень ответственные задачи.

В созданный Советский комитет содействия Всемирному конгрессу вошли видные общественные деятельницы, к его работе привлечены многие активистки.

Всемирный конгресс в Москве будет проводиться за счет средств, собранных женщинами всех стран. На призыв о добровольной поддержке «Фонда мира» горячо откликнулись коллективы наших фабрик, заводов, театров, спортивных организаций, женсоветов, объединений работников искусства и отдельные граждане. Актрисы Малого театра перечислили 1110 рублей — весь сбор от спектакля «Остров Афродиты». Московский Госцирк дал представление «Первые встречи», сбор от которого поступил также в «Фонд мира». Коллек-

тив армянского женского журнала «Айастани ашхатаворуи» весь гонорар одного номера своего журнала передал в фонд конгресса.

Большое участие в создании «Фонда мира» приняли писатели, ученые, деятели искусства. Свою лепту внесли писатели Николай Тихонов, Борис Полевой, Александр Корнейчук, Анна Саксе, художник-пейзажист Дмитрий Титов и многие другие. В день рождения героини Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской ее мать Любовь Тимофеевна передала в «Фонд мира» 100 рублей.

Поступили взносы в «Фонд мира» от женских советов Иркутска, Норильска, Челябинска и других.

На предприятиях, в городах и селах идет сбор сувениров и подарков для зарубежных подруг. В честь конгресса художники готовят красочные плакаты, открытки, марки, значки. Композитор Соловьев-Седой и поэт Лев Ошанин написали песню, посвященную женщинам всего мира.

Но главный вклад советских тружениц в успешное проведение Всемирного конгресса — их самоотверженный труд, укрепляющий мощь Советской Родины, которая возглавляет и объединяет силы мира.

ВСТРЕЧА В ГАВАНЕ

«Из застенков «Дихеполя» — венесуэльского гестапо, мы, солдаты армии патриотов, которая сражается за свободную, независимую и суверенную Венесуэлу, приветствуем с безграничным энтузиазмом Конгресс женщин всей Америки. Мы убеждены, что латиноамериканские женщины играют и будут играть важную роль в борьбе за то, чтобы Америка была действительно нашей, а не янки».

Эти пламенные слова послания венесуэльских политических заключенных, прозвучавшие на одном из заседаний конгресса, вызвали долгие аплодисменты зала.

А потом на трибуну поднялась Архелия Лайа, молодая стремительная мулатка. Она родилась и выросла в самом красивом районе Венесуэлы — штате Туапо, населенном цветными.

Не сразу нашла Архелия свое место в борьбе за независимость страны. Сначала она была членом партии «Демократического действия» — ныне правящей партии Венесуэлы. Ее руководители не скупилась на обещания. Но скоро Архелия увидела, что между их словами и делами про-

пасть: они не хотят палец о палец ударить для освобождения Венесуэлы.

И Архелия стала коммунисткой. Ей поручили работу среди женщин. В 1958 году она была избрана депутатом парламента от родного штата.

Архелия рассказала на конгрессе о партизанской войне в Венесуэле, о репрессиях, которые обрушиваются на партизан и их семьи, о том, что всех их вдохновляет пример Кубы.

— Жестокая эксплуатация империалистами — вот причина заброшенности и нищеты миллионов детей нашего богатого континента, — закончила Архелия, и со всех сторон к ней потянулись руки: ее приветствовали, ей желали удачи.

Из зала заседания Архелия вышла вместе с делегаткой Парагвая Пресетансьон Лескано.

Улица залита солнцем. И лицо у Пресетансьон солнечное, оживленное. Не скажешь, глядя на нее, что недавно там, у себя на родине, в Парагвае, она прошла через ужасные пытки.

В президиуме конгресса.

Фото Пренса — Латина — ТАСС.

И только за то, что поставила свою подпись под петицией, требующей от правительства построить больше школ и повысить зарплату многодетным.

— До чего же замечательно то, что мы собрались здесь все вместе! — восклицает Пресетансьон.

Сотни делегатов американского континента, от Огненной земли до Аляски, съехались в январе этого года в Гавану на Конгресс женщин, который проходил под лозунгом «Единство в борьбе за свободу, мир, прогресс и счастье».

Место женщин в национально-освободительном движении, борьба их за право на труд и на равную с мужчинами оплату этого труда, за право на общее и специальное образование — эти и другие важные вопросы обсуждались на конгрессе.

— Конгресс показал, что латиноамериканская женщина проснулась, — сказала нам председатель Федерации кубинских женщин Вильма Эспино де Кастро. И добавила: — И хорошо, что собрался он именно в Гаване. Женщины из разных стран собственными глазами смогли увидеть, чего добились Куба за четыре года свободы. Само существование новой Кубы — в 90 миллионах от США! — дает надежду угнетенным народам нашего континента.

В Соединенных Штатах, конечно, прекрасно понимают это. Поэтому и всемерно содействуют тому, чтобы пресечь любые поездки латиноамериканцев на Кубу. Вот что случилось, например, с делегацией сальвадорских женщин после гаванского конгресса.

Летисия Кортес дель Валье вылетела на родину раньше других членов своей делегации, так как у нее кончался отпуск. В аэропорту Мехико полицейские оттеснили ее от других пассажиров.

— Вынуждены вас огорчить. Вчера вечером получена телеграмма: вам и другим делегаткам конгресса запрещен въезд в Сальвадор.

Они уезжали на Кубу тайно. Но в Мексике, через которую они пролетали, агенты Федерального бюро расследования США — а они есть везде в Латинской Америке — сфотографировали их и отослали фото в Сальвадор. И вот результат...

— Будь я не одна, будь мы все вместе, было бы легче перенести это страшное известие, — рассказывала Летисия. — У меня дома четверо детей.

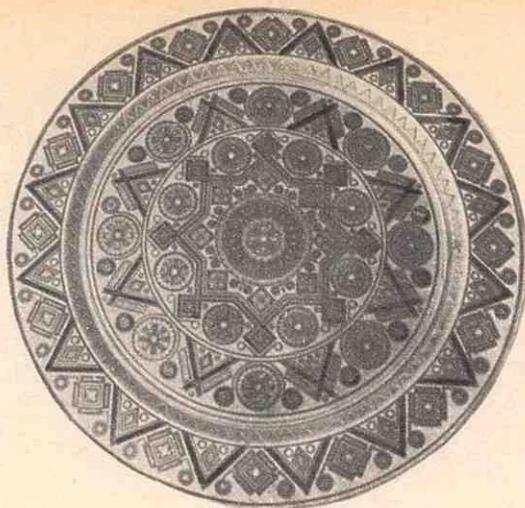
Разъезжаясь по домам, делегатки обещали через свои женские организации обратиться в ООН с требованием отменить позорное решение сальвадорского правительства, лишившего родины делегатов конгресса.

Но что бы ни предпринимали реакционные круги США, стремящиеся изолировать Кубу от других стран континента, в людях растет ненависть против реакции и угнетения, а с нею крепнет и единство латиноамериканцев, крепнут братские узы солидарности с Кубой всех стран Латинской Америки.

И. ХУЗЕМИ,
В. МАШКИН

ПУСТЬ РАДУЮТ ВСЕХ

С давних пор неутомимо трудятся коллекционеры. Одни собирают марки, другие — значки, третьи — монеты. А некоторые всю жизнь посвящают поискам редких произведений искусства. И все-таки главное, что отличает одного коллекционера от другого, — это цель, во имя которой создается та или иная коллекция.

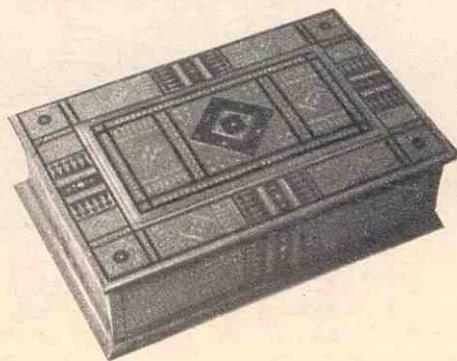
Одни делают это только для себя, другие — и таких теперь немало — свою страсть, свое призвание отдают тому, чтобы собрать и подарить редкостные находки людям.

Семнадцать лет Зоя Антоновна Сагайдачная вместе с мужем Евгением Яковлевичем отыскивала в селах, далеких горных хуторах самобытные произведения народных умельцев Гуцульщины. Так в квартире супругов Сагайдачных в небольшом городке Косове появился замечательный музей.

Осенью 1961 года Зою Антоновну постигло горе: умер муж. Но Зоя Антоновна не оставила дела, которому они посвятили много лет жизни. Она по-прежнему пополняет домашний музей экспонатами, принимает посетителей, рассказывает им о чудесных творениях человеческих рук.

За десятки километров по крутым тропкам, по шатким мостикам, проложенным через бурные потоки, пробирается Зоя Антоновна к одиноким хаткам, идет на горные пастбища и всюду находит что-нибудь особенное. По всей Гуцульщине знают ее народные мастера и считают почетным для себя, чтобы их произведения украсило музей Сагайдачных.

Многим экспонатам музея более ста лет. Чудесные кафельные плитки в середине прошлого века производили в Косове народные умельцы Баранюк и Бахматюк. Такие плитки найдены Сагай-

дачной в различных местах Гуцульщины. На кафелях изображены олени, орлы, гуцулы на охоте. Есть в музее и большой набор старинных декоративных блюд, радующих глаз богатством красок, узоров.

Косовский район славится талантливыми мастерами керамики, художественной резьбы по дереву, бронзе, ла-

туни. Их произведения, отмеченные на международных выставках, тоже нашли место в музее Сагайдачных.

Не оторвать глаз от росписей, украшающих вазы. На одной — свадебные сцены, на других — живописные пейзажи Карпат. Вот на пне сидит охотник и играет на свирели. Вокруг — густые ветви елей, окаймленные старинным орнаментом. А вазы, привезенные из сел Ричка и Брустуры, расписаны геометрическими фигурами.

Сагайдачные разыскали уникальные произведения резчиков по дереву. Их коллекцию украшают два маленьких бочонка с инкрустацией и резьбой мастера Юрия Шкрибляка, выразительная скульптура из дерева «Делегатка» и шкатулка с росписью и инкрустацией талантливого резчика Николая Грипняка. Замечателен четверик — четыре деревянные, соединенные между собой чашки. Ему около двухсот лет. Интересен набор гуцульских топориков, инкрустированных бронзой, серебром и украшенных затейливой резьбой.

В музее собрана одежда горцев: красочно расшитые сорочки, киптари, капелюхи. Есть здесь и около 900 вышивок прошлого и даже позапрошлого века. Затейливые узоры сменяют один другой, всеми оттенками радуги горит многоцветье ниток, — до чего ж мастерами умеют вышивать гуцулки!

Супруги Сагайдачные не только собирали произведения народного творчества. Они систематизировали свою коллекцию и написали к каждому экспонату паспорт, где отражается история вещи. Теперь хранилища музея Зоя Антоновна пишет историю создания домашнего музея, в которой будет рассказано о творчестве народных мастеров Гуцульщины.

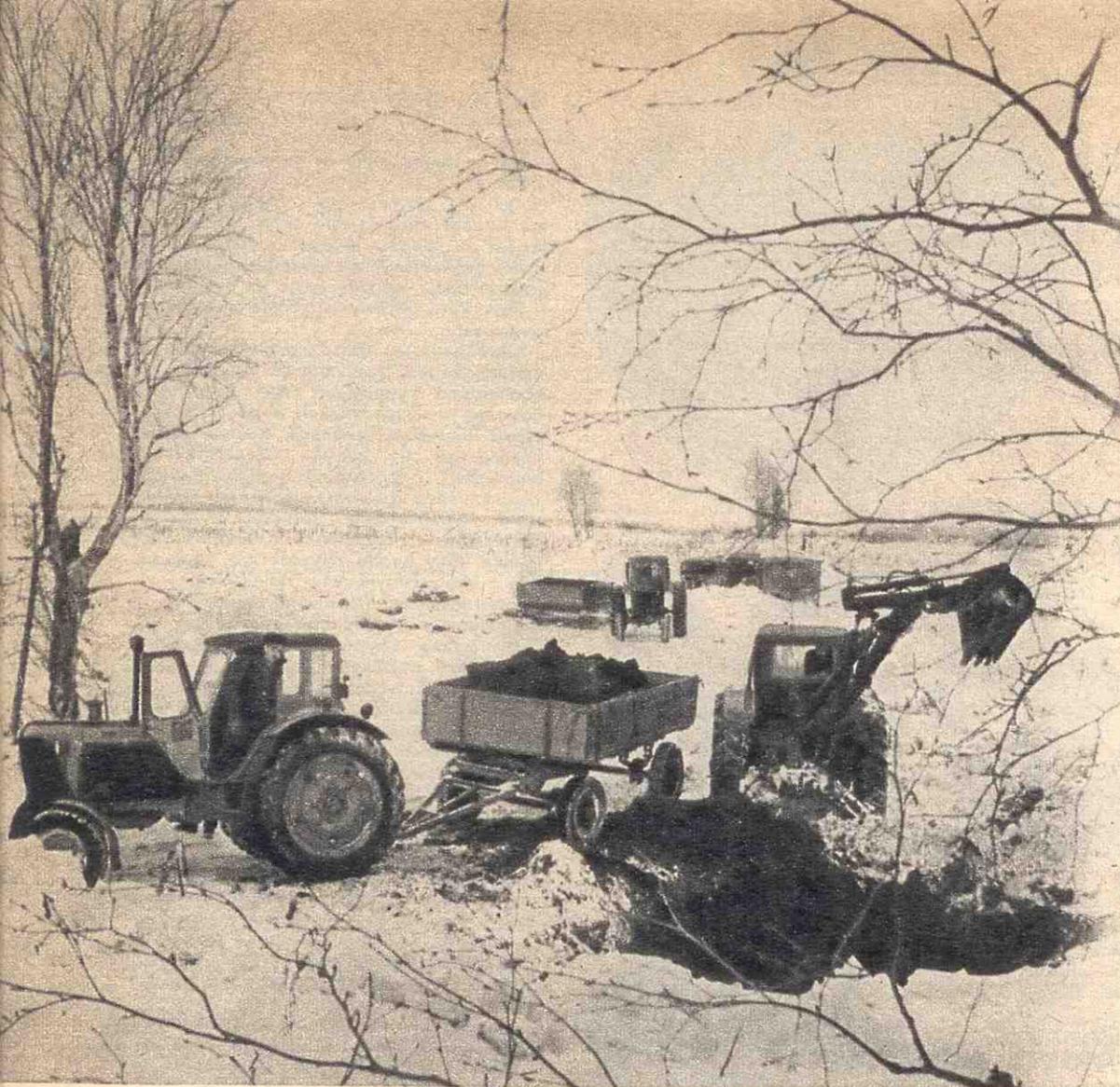
Зоя Антоновна не только коллекционер, она и художница. Немало ее рисунков старинной одежды гуцулов, их самобытных хат, дворов украшают стены музея.

Много посетителей бывает в доме Сагайдачных. Идут рабочие, колхозники, студенты, профессора, врачи. И каждый выходит отсюда радостно взволнованным.

Солнечное, яркое искусство народных умельцев, по крупицам собранное супругами Сагайдачными, волнует посетителей, открывает перед ними неиссякаемые сокровища прекрасного и вдохновенного народного творчества.

М. БАБИЙ
г. Косов, Фото автора.
Ивано-Франковская область.

Апрель. Пахучим и по-весеннему мягким становится ветер. Темнеют и съеживаются на глазах снежные покровы полей. Скоро двинутся по проросшей земле тракторы, возвещая дружным гулом начало сева...

Суровой нынче была зима на Урале. Но люди оказались упорными. Несмотря на морозы и злые бураны, они подготовили хорошую встречу весне.

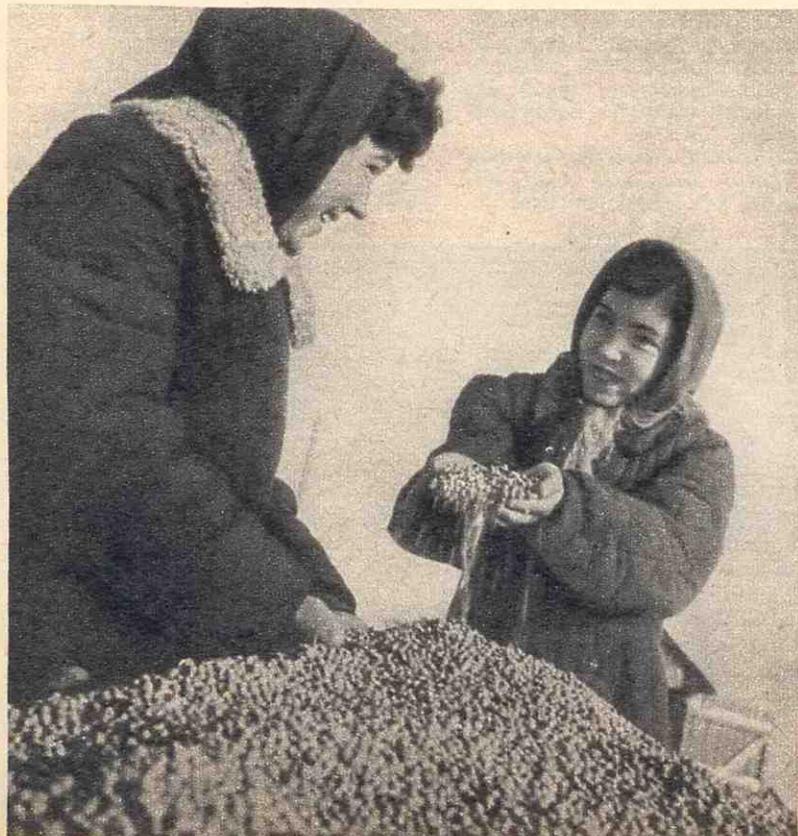
Первая дума хлеборобов — о семенах. Ведь добротные семена — это основа высокого урожая. Вот молодые колхозницы Валя Зубова и Тоня Селихина прогревают на солнце семена гороха. Девушки стараются, чтобы каждое зернышко впитало в себя заряд животельной энергии.

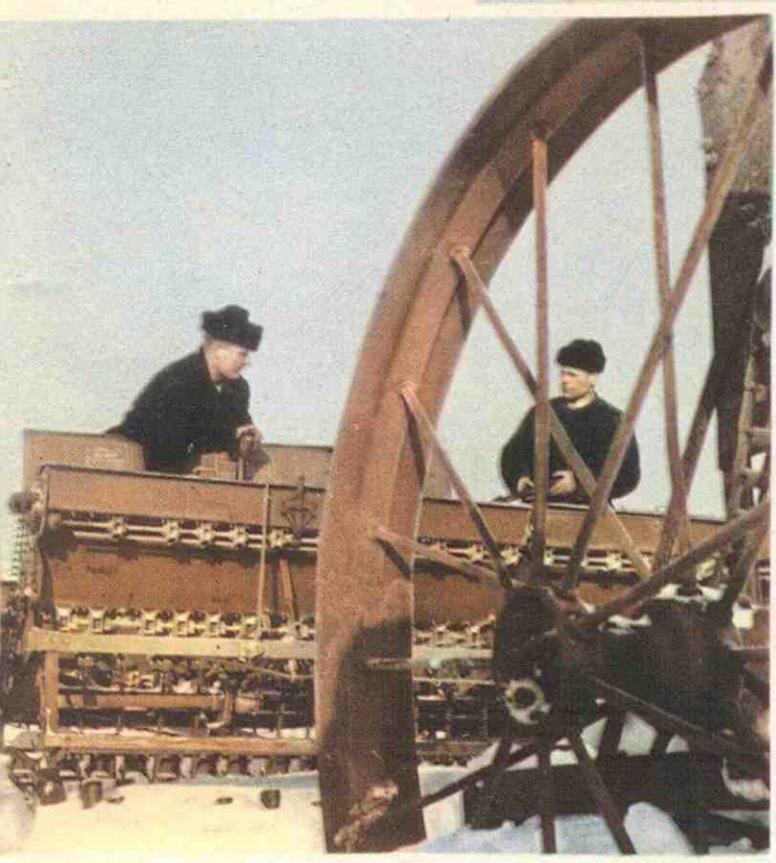
Позаботились хлеборобы и о земле. Всю долгую зиму неутомимые тракторы бороздили снега, чтобы удержать на полях как можно больше влаги. Если и не выдаться весна щедрой на дожди — не беда: влаги для семян теперь хватит.

Много сейчас забот у колхозного агронома Софьи Баландиной. Как там под глубоким снежным покровом перезимовала озимая рожь? Все ли семена готовы к тому, чтобы лечь в землю? Достаточно ли вывезено на поля удобрений?

Судя по тому, как споро и оживленно идет заготовка торфа, за плодородие земли агроном может

ГОТОВЬ ТЕЛЕГУ ЗИМОЙ

не волноваться: 20 тысяч тонн торфо-навозных компостов вывезено за зиму на поля. Да еще 30 тысяч тонн навоза получила земля...

Зима — горячая пора и для механизаторов. Во всеоружии должна встретить весеннюю страду колхозная техника. Еще с осени, по мере освобождения от полевых работ, начали приводить машины в боевую готовность. И сейчас вся техника в образцовом порядке

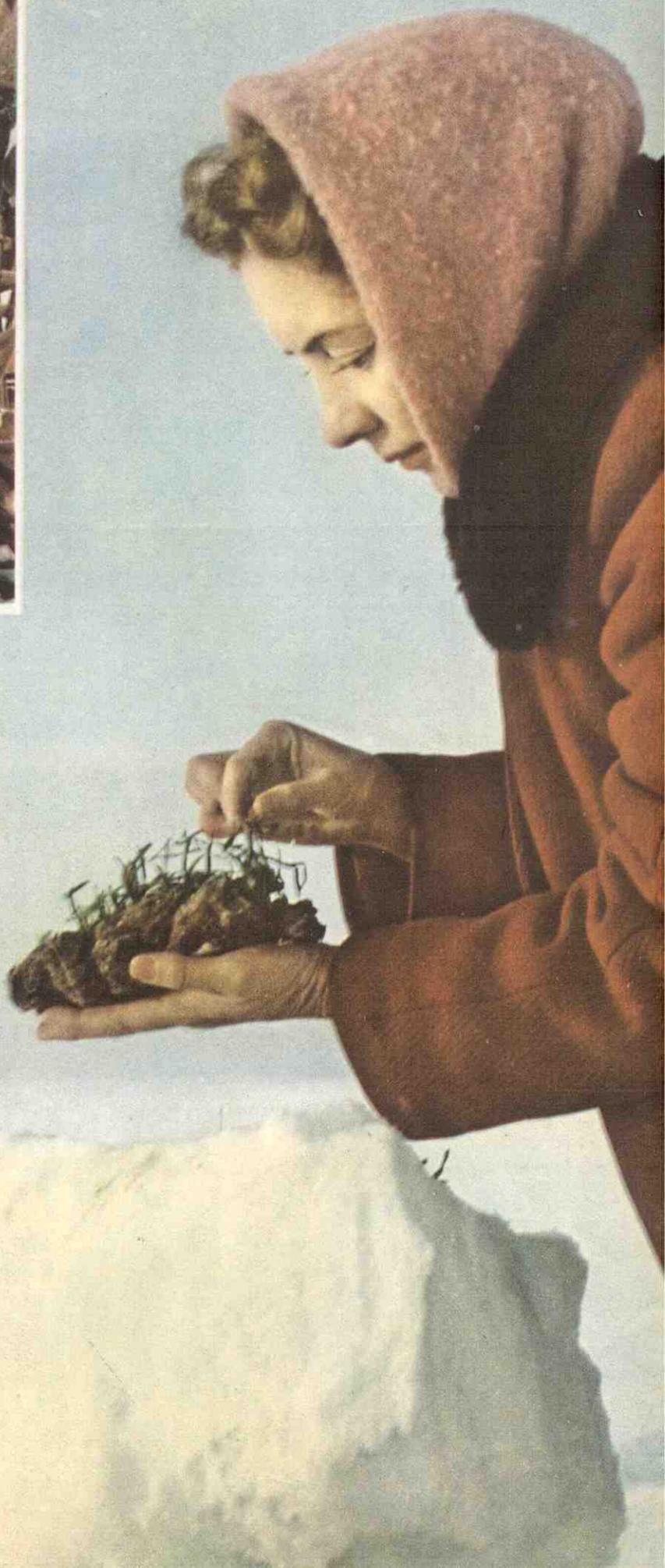
Забываясь о полеводстве, не забывали колхозники и животноводства. Скота в хозяйстве немало — одного крупного рогатого более 4 300 голов. И в течение всей зимы скот был обеспечен кормами в достатке.

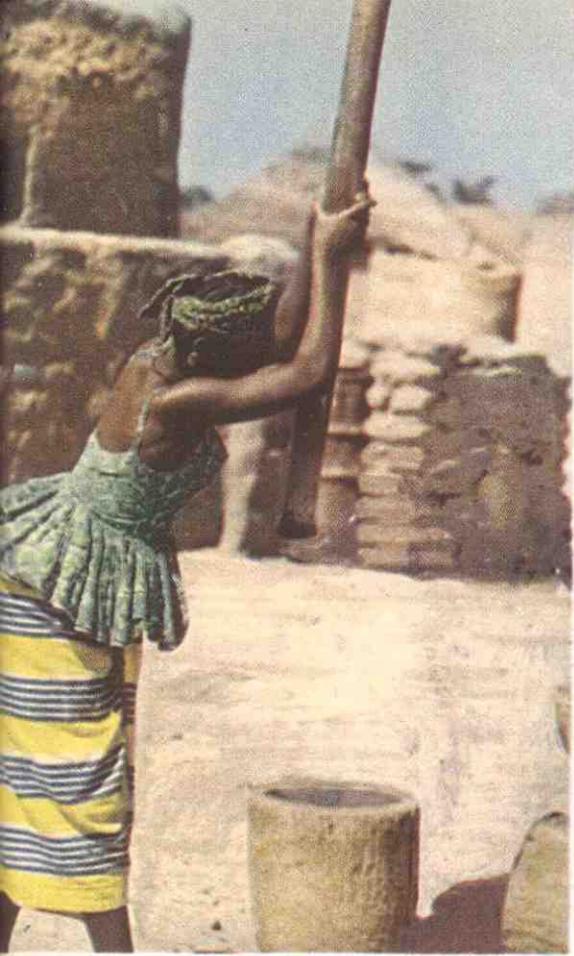
Полным ходом шло зимой и строительство. Сооружали колхозники фермы, новые жилые дома. Вы видите, как бригада Михаила Пескова возводит очередной двенадцатиквартирный дом. Будущие жильцы его наверняка будут вспоминать строителей добрым словом...

Да, хорошо потрудились колхозники зимой. Ведь не зря советует пословица: «Готовь телегу зимой, а сани летом».

Фото и текст
В. ШКОЛЬНОГО.

Колхоз «Россия»,
Пермский сельский район,
Пермская область.

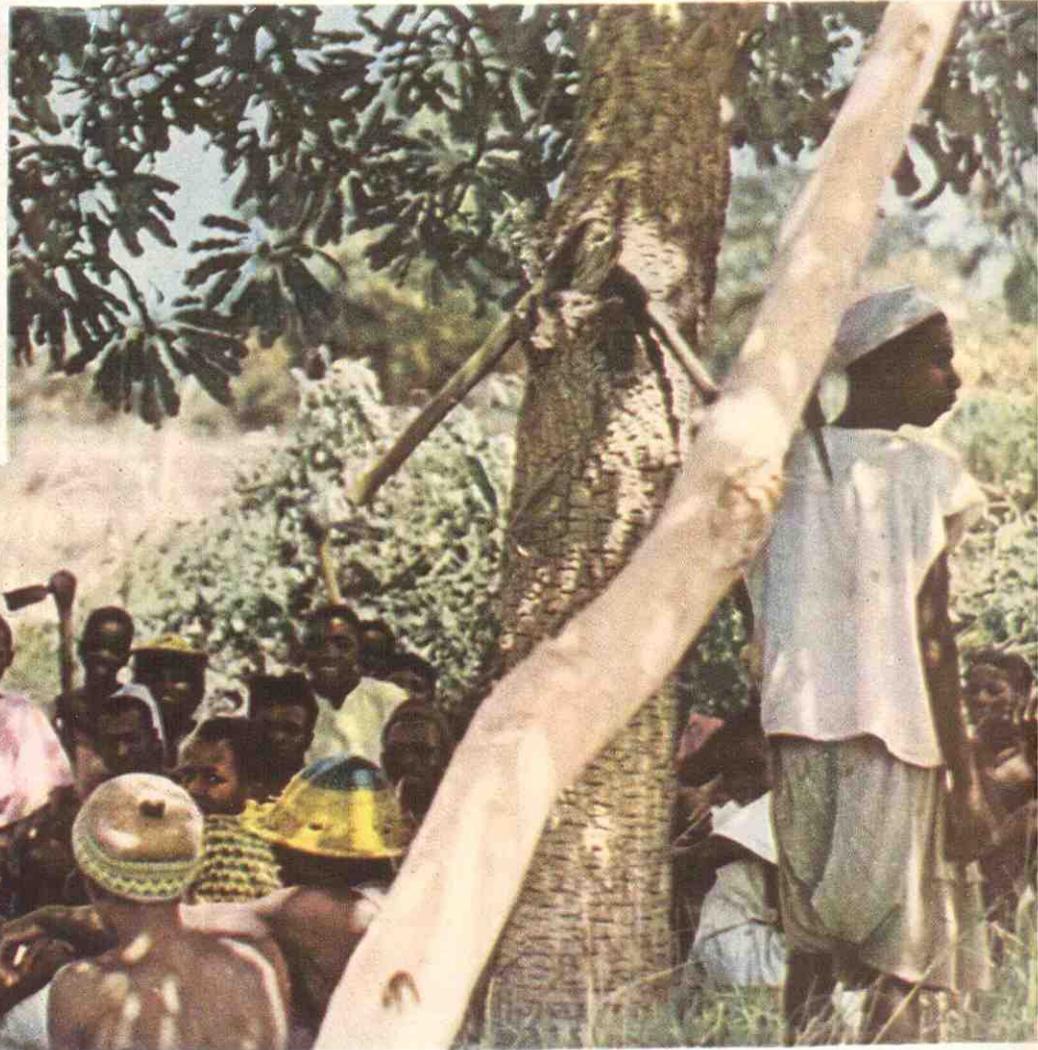

«Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устой империализма», — говорится в Программе КПСС.

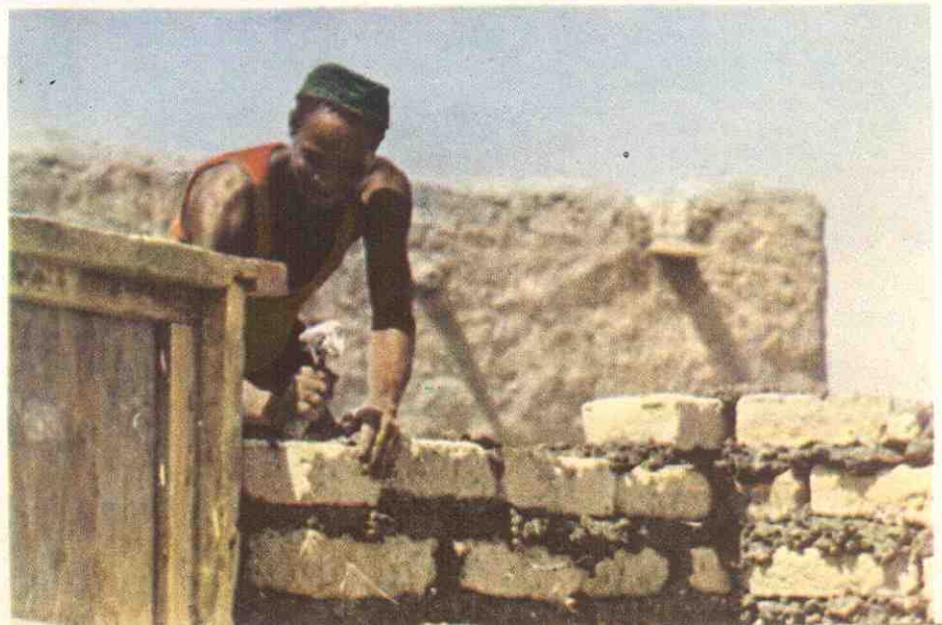
На огромных просторах Азии, Африки и Латинской Америки одна за другой рушатся крепости колониального гнета. Еще героически сражаются за свою свободу народы Анголы, Мозамбика, Кении и другие, но на месте многих колоний и полуколоний уже возникли самостоятельные государства.

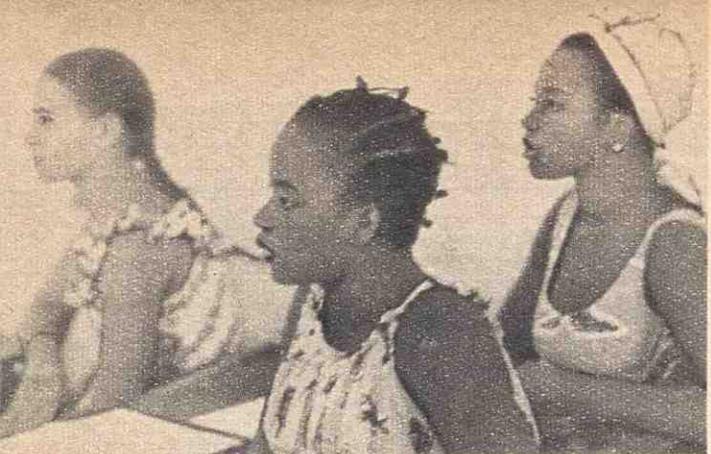
Став хозяевами своих стран, народы молодых республик уничтожают тяжелое наследие прошлого, борются за преодоление экономической отсталости, за ликвидацию голода и нищеты.

В апреле весь свободолюбивый мир отмечает День свободы Африки. Корреспондент «Правды» Ю. Яснев, побывав в некоторых африканских республиках, рассказывает об одной из них — Мали.

**МАЛИ
СМОТРИТ
В БУДУЩЕЕ**

Огромный пест тяжело ударяет в деревянную ступу с зернами сорго. А когда он взлетает вверх, женщина на мгновение отпускает его и хлопает в ладоши. Пест тотчас же снова устремляется вниз. Тун-хлоп, тун-хлоп...

Метрах в двадцати от женщины под манговым деревом в красно-бурой пыли барахтаются голые ребята. Не прерывая работы, мать им что-то кричит, и они притихают. В знойном воздухе снова слышно только монотонное: тун-хлоп.

Мы с шофером Фондэ сначала издали наблюдаем за этой будничной картинкой из жизни малийской деревни. А потом подходим ближе:

— Бонжур, мадам!

Малийка, смахнув с густых бровей капли пота, обводит нас внимательным взглядом и непринужденно улыбается:

— Бонжур, намарад!

Вскоре, однако, выясняется, что запас французских слов у нашей собеседницы весьма ограничен. Шофер Фондэ приступает и обязанностям переводчика с языка бамбара на французский.

Я спросил, слышала ли она что-нибудь о Советском Союзе.

— А-а, это там, далеко, далеко, где земля покрыта холодным хлопком? — спросила женщина. Потом показала на ребятшек, с любопытством взиравших на нас, и смущенно добавила: — Вот они будут знать много. Теперь есть школы. Подростут, станут книги читать. А я ведь неграмотная.

Мы полюбопытствовали, для чего женщина прихлопывает в ладоши, когда толчет сорго. Малийка пожалала плечами. Она никогда не задумывалась над этим. Так делала ее мать, бабушка, прабабушка. Так делалось веками.

— Наверное, легче, — сказала она, — руки немножко отдохнут. — И простодушно спросила: — А разве можно по-другому?

...Годы независимости Республики Мали уже дали ответ на вопрос крестьянки. Как ни живуча еще ступа, она уже прошлое. Новое медленно, но неудержимо пробивает себе дорогу в жизни раскрепощенных народов Африки.

Покончив в сентябре 1960 года с господством Франции, малийский народ под руководством партии Суданский союз встал на некапиталистический путь развития, конечной целью которого провозглашен социализм. Правительство национализировало предприятия, принадлежавшие ранее французам, приняло в октябре 1961 года первый пятилетний план. Оно взяло под свой контроль торговлю, финансы, транспорт, образование, здравоохранение, ввело новое административное деление и судопроизводство. В страну прибыли люди, которым близки и понятны чаяния малийского народа: советские геологи, чехословацкие строители, венгерские инженеры.

Свежий ветер перемен затронул и малийское крестьянство, которое составляет подавляющую часть населения. По инициативе партии Суданский союз в деревнях возникли первые кооперативы. За годы пятилетия они будут организованы во всех малийских деревнях. Кооперативы создаются на основе существующих патриархально-родовых общин, которые, как правило, представляют собой большие семьи численностью от 50 до 100 человек.

Часто, обсуждая дела кооператива, жители деревни собираются под могучей кроной огромного дерева, которое на языке бамбара называется «дунале». Это дерево — символ согласия между людьми, символ свободы.

Раньше малийцы применяли подсечно-огневую систему земледелия. Деревья, кустарники, трава сжигались, зола их использовалась как удобрение. Земля истощалась — крестьяне переходили на следующий участок. Так огиались огромные пространства. Кооперативы хотят возвратить земле плодородие.

Правительство помогает кооперативам семенами, удобрениями, машинами.

Новые, удобные дома строят себе кооператоры. С каждым годом растет их благосостояние.

Медленно, но неуклонно социальные преобразования захватывают жизнь женщин. Теперь малиек можно увидеть не только у деревянной ступы, но и за школьной партой. Они получили доступ к государственным постам.

В стране еще сохранился обычай иметь по 2—3 жены. Введение светского брака — первая ступень на пути ликвидации и этого пережитка феодализма.

И мне бы хотелось и концу малийской пятилетки снова побывать в этой стране, раскинувшейся на южных подступах и пустыне Сахара, заглянуть в маленькую деревушку на берегу Нигера, где состоялся разговор с малийской крестьянкой. Очень хочется верить, что она больше не спросит: «А разве можно по-другому?»

Ю. ЯСНЕВ
Фото автора.

ТАК ПОДСКАЗАЛА ЗЕМЛЯ

Кажется, еще совсем недавно наш бухгалтер Иван Степанович Семиряшко, подсчитывая себестоимость говядины, с досадой разводил руками: «Ну, куда это годится: центнер стоит 68 рублей?»

Но с некоторых пор Иван Степанович доволен: производство мяса обходится дешевле: 31—34 рубля, а случается, себестоимость его снижается и до 26 рублей за центнер.

Вот уже пять месяцев, как стал наш колхоз специализированным хозяйством, мы ведем только откорм бычков. Раньше на наших фермах были и овцы, и коровы, и свиньи, и птица. На путь специализации встали и еще несколько хозяйств нашего района: колхоз имени Октябрьской революции занялся выращиванием овец, колхоз «Комсомолец» — производством молока, а в совхозе «Авангард» одно из отделений переклонило только на свиноводство. Уже первые итоги специализации свидетельствуют о многих преимуществах такого ведения хозяйства.

На мысль о специализации натолкнуло нас вот что. В 1961 году животноводство дало колхозу лишь четвертую часть общего дохода, хотя на фермах было занято больше половины трудоспособных колхозников. Молоко, мясо, яйца, шерсть обходились колхозу дорого, и мы едва-едва сводили концы с концами: себестоимость была лишь немного ниже закупочных цен. На фермах почти отсутствовала механизация. Дойка, кормление, уборка навоза — все делалось вручную. А попробуй механизировать многоотраслевое животноводство! Нужны десятки самых разных машин и механизмов, а это очень накладно. Прикинули мы, что на полную механизацию всех ферм понадобится нам не меньше пяти лет. Но механизация — это только одна сторона дела. Есть и другая, не менее важная. Даже очень хорошему зоотехнику не под силу по-настоящему руководить животноводством, внедрять в каждой его отрасли все новое, передовое, когда что ни ферма, то свои задачи и свои трудности.

Другое дело, если его внимание сосредоточится на чем-то одном. Задумались мы: что выгодно для нашего хозяйства? И пришли к выводу: откорм молодняка крупного рогатого скота. Такое решение подсказала сама земля. Из 9490 гектаров 6 тысяч гектаров — земли, не пригодные для пашни, но они хороши как пастбища. Земли для зерновых и кормовых культур у нас тоже хватает. Значит, можем вдоволь запастись кормов и на зиму. И с водой перебоев не знаем никогда. Есть у нас три больших пруда. Короче говоря, все условия для организации откорма.

Но прежде чем браться за него, нужно было присмотреться, с какого боку лучше подойти.

Отправились мы с бухгалтером в колхозы Днепропетровской и Запорожской областей, которые уже имеют опыт специализации. То, что мы там увидели и узнали, еще больше укрепило нас в решении ставить дело по-новому.

Но предстояла нелегкая задача — убедить в этом всех колхозников. Предвидя и сомнения и возражения, мы заранее все подсчитали. За нас были такие цифры: в 1961 году в колхозе было произведено на 100 гектаров земельных угодий по 40 центнеров мяса. Доход от животноводства равнялся 123 338 рублям. Если перейдем на откорм бычков, то сможем через год производить по 120 центнеров мяса на 100 гектаров. И, по самым скромным подсчетам, получим 500 тысяч рублей дохода.

На собрании колхозники проголосовали за специализацию.

И все-таки, когда наутро явились представители из других колхозов, чтобы увести с наших дворов купленный ими скот, пришлось выслушать немало едких замечаний.

— Дохозяиновали! — мрачно тянули старики, заглядывая в опустевшие свинарники, овчарни.

А доярки — те даже причитали в голос, провожая своих Пеструшек и Зорек.

Опустел животноводческий городок обеих бригад. Только и остались там тридцать коров да столько же свиноматок — для внутренних нужд колхоза.

Через день-другой поехали наши уполномоченные закупать бычков в других колхозах. И начали прибывать в нашу дерев-

ню Смоляниново гурты молодняка. В первых числах августа у нас было четыре тысячи бычков. За 4 последующих месяца сдали мы 852 бычка, то есть 2 500 центнеров мяса. И мясо это обошлось нам гораздо дешевле, нежели до специализации. Оно и понятно: количество людей, занятых в животноводстве, сократилось в полтора раза. Себестоимость центнера привеса за август — сентябрь составила 26,5 рубля. Раньше на 1 центнер привеса затрачивалось 11 человеко-дней, теперь — 2.

Но лето летом, а следовало подумать и о зимовке. Ведь стояли бычки пока на выгульных дворах под открытым небом.

Еще весной началось у нас строительство свинарников. Теперь их срочно переоборудовали под телятники: убрали станки, сделали вдоль стен кормушки, общие поилки, зацементировали полы. Четырехрядный коровник переделали в шестирядный. Там, где раньше стояло 200 коров, поставили 550 бычков на привязи. В этом коровнике установили транспортеры для раздачи корма, а для подвозки его — кормораздатчик. Поставили автопоилки. При такой механизации с бычками в коровнике управляют 6 скотниц. В бывших свинарниках и овчарнях, также приспособленных под телятники, раздача кормов производится при помощи кормораздатчика, смонтированного на шасси автомобиля «ГАЗ-63». На таком же шасси установлен навозосборщик.

Для бывших доярок Любы Конченко и Марии Носачевой выращивание телят — новое дело. Но трудности их не пугают. Да и заработок на новом месте не хуже прежнего.

Осенью и зимой, когда транспорт не был загружен, в колхозе дружно перевозили к фермам солому, заскирдованную далеко в поле.

В каждом переоборудованном помещении звено из четырех человек обслуживает триста бычков. Но работают каждый день только трое. Четвертый же член звена после трех дней работы получает выходной. Это особенно пришлось по душе женщинам. Но это не значит, что в колхозе оказались лишние рабочие руки. Сколько людей требуется только для нового кормоцеха! Одной соломы измельчить и запарить ежедневно нужно не менее 20 тонн, да потом перемешать ее с 35 тоннами силоса.

В конце года нам предстоит продать государству 7 тысяч центнеров говядины. А это значит, что меньше чем половина трудоспособных колхозников даст хозяйству три четверти колхозного дохода.

Значительно возросшие доходы колхоза позволили в нынешнем году перевести всех тружеников на денежную оплату. Заработок хорошей скотницы у нас теперь не меньше 90—100 рублей в месяц.

Поскольку главной отраслью у нас стало животноводство, мы подчинили ему все наши планы. Если в прошлом году под посевами кормовых культур было занято 985 гектаров, то в нынешнем засеем ими 1 557.

Предусмотрели мы на этот год и увеличение продажи хлеба государству. Во-первых, в хозяйстве значительно сокращается потребление зерна. Ведь телята — это не свиньи, которым нужно много концентратов. А, во-вторых, за счет внесения большего количества удобрений со скотных дворов повысится урожайность полей.

Пришла весна, в колхозах района начались отелы. Скоро наши уполномоченные снова отправятся покупать молодняк. Ожидая новое пополнение, мы строим еще два вместительных телятника на тысячу голов.

Одно нас беспокоит: бойни, куда мы перегоняем бычков, снятых с откорма, находятся в нескольких десятках километров от колхоза. И вот, пока кочует туда стадо, бычки теряют в весе. Особенно это заметно летом, в жару. Некоторых нам даже возвращают. Снова гоним их обратно, растрачивая те центнеры привеса, ради которых трудилось столько людей. Надо нам строить свой забойный пункт и холодильник.

Оценивая итог минувшего полугодия, мы смело говорим: специализация животноводства по колхозам — нужное дело.

Н. БЕЗГУБЕНКО,
председатель колхоза «Победа».

Фото В. АДУШКИНОИ.

Старобельское производственное управление,
Луганская область.

НЕ ПОДСОВНИЦЕЙ — ХОЗЯЙКОЙ

На одной маленькой станции я случайно стала свидетельницей любопытного разговора. Курноса, с пшеничной челкой девушка рассказывает спутнику:

— Представляешь, Витя Филиппов спрашивает, а я ничего ему объяснить не могу. Бормочу что-то невнятное. На следующий день снова: «Нина Александровна, а почему некоторые комбайны обязательно трактор должны таскать? Нельзя ли их переоборудовать на «СК»?» Ну не станешь же объяснять ему, что учительница русского языка про «СК» знать не обязана! Набрала в библиотеке книг, сижу ночами, как что непонятное — к бригадире бегу. Тот смеется: «Чего это вы техникой заболели?» «Авторитет, — говорю, — неохота терять».

«Техникой заболели». Точное выражение нашел колхозный бригадир. Не раз вспоминались мне его слова во время поездки по Ростовской области.

Донское Приазовье... Край могучей земли и нетерпеливо-жадных до работы рук. Край, в минувшем году отгрузивший стране огромное хлебное богатство. Почти 200 миллионов пудов сдала Ростовская область.

Здесь даже в названиях сел и станций звучит романтика изобилия. Зерноград, Хлебодарное...

Надежный союзник человека в борьбе за урожай — мощнейшая техника. Без нее на неоглядных полях делать нечего. Крупное зерновое хозяйство в наши дни — это уже скорее отрасль индустрии. И главнейшей фигурой в селе стал механизатор.

Почин алтайцев «Каждому — механизаторскую специальность» эхом прокатился по стране. Подсчитав свои возможности, ростовчане назвали довольно внушительную цифру — 30 тысяч. Столько людей должны за этот год освоить технику.

Как же готовят в Приазовье механизаторов? Широко ли охвачены движением женщины-крестьянки?

«МЕХАНИЗАТОР» —

ЗВУЧИТ ГОРДО

Человеку, привыкшему к масштабам средней полосы, многое в этом хозяйстве кажется удивительным. Вот несколько цифр. Площадь пашни зерноградского колхоза имени Кирова превышает 30 тысяч гектаров. Доход перевалил за 4 миллиона рублей. Поголовье крупного рогатого скота, свиней, овец, птицы измеряется в пятизначных числах.

Пожалуй, не сразу найдешь хозяйство, где так ярко, осязательно видно значение техники в сегодняшней жизни села, где такой заботой и уважением окружены механизаторы.

Материал, как говорится, «сам плыл в руки». Обширностью и густой напряженностью работы поразили колхозные механические мастерские. Хоть и не ново сравнение мастерских с заводом, но здесь без него не обойтись. Даже таблички висят на дверях: «Цех электросварки», «Кузнечный цех»... В хозяйстве без малого 150 тракторов, 100 комбайнов, 70 автомашин, обслуживают их более 450 механизаторов.

Потом я сидела в кабинете главного инженера Степана Ивановича Артюха. То и дело заглядывали в кабинет озабоченные люди в перепачканных спецовках. Степан Иванович склонялся с ними над расчетами, обсуждал устройство какого-то усовершенствованного колхозными умельцами погрузчика. Говорили и о том, что надо бы еще увеличить производительность пастоизготовителя. Правда, пастоизготовитель, который смастерили кировцы, и так работает в четыре раза интенсивнее присланного «Сельхозтехники». Но ведь животноводство все растет...

Короче говоря, факты нанизывались в блокноте один за другим. И все они говорили о том, что слово «механизатор» в колхозе звучит гордо. Даже вечер в Доме культуры, на который я попала, был посвящен именно механизаторам. Выступали перед собравшимися лучшие трактористы и комбайнеры, рассказывали об увлеченности и нелегкости своей работы. В зале было много молодежи — ребят из одиннадцатилетки. Слушали они внимательно, серьезно...

— Многие из них летом придут к нам, — говорил Степан Иванович Артюх. — Хорошо, что школа сейчас уже дает основные технические знания. Ребята изучают трактор, комбайн.

— Степан Иванович, а как вы готовите кадры? Посылаете людей учиться?

— Несколько человек учатся у нас в училищах механизации, в техникумах, заочно в институте. Но в основном кадры готовим сами. Вот уже пятый год действуют у нас курсы. Желаящих освобождаем от работы, выплачиваем им небольшую стипендию. Люди из дальних бригад могут жить в общежитии, питаться в столовой. Преподаватели у нас все свои: заводящий мастерскими, агроном, инженер, механизаторы с большим стажем работы. Ну, а для производственной практики простор есть...

— И многих вы сумели подгото-

вить? — Да порядочно. 23 человека получили в январе удостоверения трактористов, а сейчас учатся еще 30 человек. Теперь больше половины трактористов у нас — доморощенные.

Слово «доморощенные» произносит Степан Иванович с заметной гордостью...

Но вот речь заходит о том, как в колхозе дружат с техникой женщины.

— Да у нас пока мужчин вроде хватает, — отшучивается Артюх. — Знаете, если на военном корабле появится женщина...

Потом, наморщив лоб, он начинает припоминать:

— Проводили по бригадам занятия по машинному доению — у нас с 1959 года всюду электродойка. «Елочки» женщины осваивают. Ну, со свинарками, птичницами немного занимались. Честно говоря, тут нам пока хвалиться нечем.

Разводит главный инженер руками. Но по тону его чувствуется — он такое положение считает вполне нормальным. И приходят на память разговоры с другими людьми, в других условиях. Ох, уж эти вечные, окаменевшие в своей традиционности отговорки: «не женское дело», «сами не хотят», «тяжелая работа», «как-то не принято»... Обидно, что здесь, в хозяйстве с таким размахом и такой технической вооруженностью, эти отговорки продолжают жить. И невольно возникает мысль: а может, и вправду там, где «мужчин хватает», незачем женщинам возиться с техникой? Может, и вправду, как говорится, богу богово?..

ВОКРУГ

ДА ОКОЛО

— Нет, — возражает птичница колхоза Мария Симонкова. — С таким мнением я не согласна.

На птицеферму 2-й бригады попала я как раз в то время, когда Мария укладывала яйца в ящики с шуршащими желтоватыми стружками. Ровно жужжала лента транспортера, все новые яйца скатывались с нее на наклонный покачивающийся стол с упругой шершавой поверхностью.

Ферма полностью механизирована. Причем многие приспособления сконструировали сами колхозные умельцы.

— Легче стало работать?

— Ну, конечно, — говорит Мария. — Здесь я второй год, а до этого тоже за птицей глядела, только без всякой механизации. Была у меня под на-

чалом тысяча кур. Бывало, воды за день не наносишься. И корм ведь тоже четыре раза в день приготовить да растащи. И яйца успей собрать. К вечеру так и кажется, что руки от тяжести длиннее стали. Теперь на нас двоих приходится уже двенадцать тысяч кур. Забот, откровенно говоря, хватает, но все же с прежними не сравнишь. И зарабатываю я куда больше. Муж порой шутит — «глава семьи», мол, в два раза больше меня получаешь.

Что и говорить, великое дело — механизация. Налажена она у нас хорошо, действует как часы. Уж это исключительный случай, если произойдет какая поломка.

Но уж если произойдет... Стою я тогда перед своей замолчавшей техникой, опустив руки. Порой и понимаю, в чем дело, как-никак за два года попригляделась ко всему, да исправить боюсь. Ну-ка что натворю по незнанию? Приходится отрываться от работы, бежать за механиком Николаем Фоминым — иди, мол, глянь. Придет, подладит все быстренько. Ну, разве бы я этот пустячный ремонт не могла сама сделать?

Так вот порой и задумываюсь я: коль работаю с техникой, почему бы мне как следует не заняться изучением ее? Чтобы не кружилась я вокруг да около той механизации, не подсобной рабочей при ней была, а умелой и знающей хозяйкой.

И чтобы не было случаев вроде того, что был у нас зимой на МТФ. Моторист заболел, дали подменного. А тот то ли проспал, то ли с вечера хватил лишнего. Надо начинать дойку, доярки волнуются, а его все нет. Одна Тамара Смирнова решилась на свой страх и риск включить мотор. Но, видно, неправильно что-то сдела-

ла — перегорел он. Так теперь, говорят, за ремонт мотора из Тамариной же зарплаты вычитывают, а проспавший моторист посмеивается: «Не надо было браться не за свое дело!»

Нет, именно наше это дело — осваивать технику! Женщины не должны оставаться в стороне.

«КУРСАНТЫ»

Так называют на втором отделении совхоза «Целинский» людей, собирающихся по вечерам на занятия в клуб или тесную комнату конторы. Немного странно звучит это молодежватое слово по отношению к пожилому полеводу Алексею Яковлевичу Великородову или к Марии Григорьевне Петруньковой. А они между тем самые аккуратные и дотошные слушатели. Не пропускают ни одного занятия, внимательно записывают объяснения преподавателей — комбайнеров Николая Тимофеевича Говорова и Ивана Андреевича Кибальника.

Что же заставило их пойти на курсы механизаторского всеобуча?

Мария Григорьевна Петрунькова в технике не новичок. Это сейчас она работает в клубе уборщицей, а когда-то руки ее лежали на штурвале комбайна. Специальные курсы перед войной кончала, была потом штурвальной на агрегате мужа, а в лихие военные годы водила комбайн сама. Ох как туго приходилось тогда! Поля запущенные, забытые сорняками. Машины отремонтированы кое-как, сама и с деталями тяжелыми таскайся, и паяй, и сваривай. На ощупь свой старенький комбайн изучила, по звуку приспособилась поломки определять.

Ну, а там один за другим стали возвращаться домой мужики. Постепенно отошла Мария Григорьевна от техники, работала в свинарнике, потом в звене по выращиванию кукурузы. А сейчас и вовсе легкое дело подыскала себе — содержать в порядке клуб... Но любовь к машинам не забывалась. И грустно становилось подчас: когда-то специально училась, а теперь машины все новые, и случись что, потребуйся ее умение — не сможет, пожалуй, вывести комбайн в поле.

— Мария Григорьевна, скажите откровенно: механизатор — тяжелая работа для женщины?

— Да в прятки играть тут нечего. Конечно, и здоровья она требует и силы. Но только разве можно сравнить условия работы сейчас и, к примеру, в войну? С тогдашней техникой наплачешься вдоволь. На два месяца, случалось, уборку затыгивали. А сейчас? Уж не на дни уборку вычитываем, а на часы. И ремонтная база мощнейшая. Так чего же сейчас женщинам не работать?

Мы беседуем с Марией Григорьевной в небольшой, туго забитой столами конторе. Скоро здесь начнется очередное занятие всеобуча. Развешаны по стенам плакаты, постепенно собираются «курсанты».

— Лишнюю специальность никогда

иметь не вредно, — рассудительно говорит Мария Григорьевна. — Пускай в году всего две-три недели придется мне поработать на комбайне — и то счастлива буду, что помогла хозяйству в страдную пору. Ведь в уборку каждый потерянный час центнерами зерна оборачивается. Жаль только, женщин у нас на курсах мало осталось. Записалось-то много, а там у одной ребятишки, другой готовиться некогда...

— А что, людей тоже понять можно.

Это говорит свинарка Вера Газеева — молодая светлоглазая женщина, которая также пришла на занятия.

— Одного стремления к технике еще недостаточно. Нужны и условия для учебы. А нагрузка все-таки немалая. Два с половиной месяца по пять раз в неделю собирались. Потом уж, правда, на два раза перешли. А как ни говори, женщине каждой, кроме работы, и ребятишек надо обиходить, за домом приглядеть. Мне вон с тремя одной приходится управляться. Честно скажу, если бы не необходимость, и я едва ли сумела бы дотянуть до конца. Свинарник наш механизирован. Все теперь будут делать машины. И корма свиньям тоже сами будем растить. Тут уж без знания техники делать нечего.

— Значит, организация курсов недостаточно продумана?

— Да. Набрать-то народу набрали да и пустили курсы на самотек. А как нам приходится учиться, начальство и не поинтересуется. Вон в газетах читаешь — некоторые хозяйства на время учебы отрывают людей от производства. Другие тем, кто работает и учится, надбавку специальную платят, вроде стипендии. Появляется у человека какая-то заинтересованность... Да мы-то уж об этом не говорим. Хотя бы один свободный день в неделю выделили курсантам для занятий. А то зачастую бежишь сюда прямо с фермы, в учебник и заглянуть не успела. А материал все новый и новый.

— Да, на будущий год нужно будет всеобуч наладить получше, — поддерживает Веру Мария Григорьевна. — Вере вон из-за дежурств на ферме сколько раз приходилось на занятия опаздывать. Мелочь вроде — на пару часов подменить работницу, а никто об этом не позаботится...

«Тут нам пока нечем хвалиться», — вспоминаю я слова главного инженера из колхоза Кирова. Не в подобном ли спокойствии, а точнее сказать, равнодушии кроется основная причина того, что в большинстве хозяйств очень мало женщин охвачено всеобучем? А учиться крестьянки хотят. С какой обидой, например, говорили мне девушки из 5-й бригады зерноградского колхоза имени Калинина: «Живем на отшибе — и дела никому до нас нет. А на курсы многие из нас поступили бы с радостью».

Нельзя серьезно говорить об успехах всеобуча, если женщины стоят от этого движения в стороне. Ведь «всеобуч» — это значит, что учатся все.

Т. РЯБИКИНА

Ростовская область.

Одной из лучших птичниц считают Таю Бычкову в колхозе «Искра», Котельничского района, Кировской области.

Фото А. МЕНЬШЕНИНА.

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДА

Все было в нем крупно: черты лица, фигура, жест.

Крупномасштабным, боевым, политически страстным было его творчество. Он обращался к массам, и «аудитория» его росла вместе с духовным ростом массового народного читателя. В предреволюционные годы он разговаривал с сотнями тысяч, после Октября с миллионами. Как его любили, ценили, чтити! Сколько веселых, радостных улыбок вызывали его сатирические и юмористические стихи, его басни, сказки, фельетоны, эпиграммы. Сколько сердец наполнила любовью и ненавистью его гражданская лирика.

Ефим Алексеевич Придворов, избравший себе псевдоним — Демьян Бедный, был поистине плоть от плоти народной. Вскоре после первой русской революции 1905 года началось его революционное творчество. Как поэт, он сформировался и вырос на страницах ленинских газет «Звезда» и «Правда» в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Он был самой крупной поэтической фигурой в славной когорте писателей «правдивов».

В. И. Ленин заметил Демьяна Бедного в начале его пути. Он высоко ценил «талантливого сотрудника» «Правды». Когда вышла первая книга поэта, Владимир Ильич писал Горькому: «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышло, если не видали. А если видали, черкните, как находите». До конца дней своих сохранил Ленин любовь к Демьяну, к его таланту, для развития и направления которого он так много сделал.

Демьян Бедный — один из создателей советской литературы. Корни его творчества лежали в народной жизни и борьбе, все, что он создал, было отдано народу и партии. Он шел в своей поэзии от самых благородных, самых передовых традиций русской художественной культуры.

Вероятно, в новейшей русской поэзии нет другого поэта, который бы так широко черпал из народного творчества, его жанров, образов, из бесценных богатств его языка. Органическая связь стихов Демьяна с народным творчеством делала ее особенно близкой думам, чувствам, мечтам революционных рабочих, крестьян, солдат, матросов — всех тех, кто завоевал победу в Октябре 1917 года, кто одолел врагов в гражданской и Отечественной войнах, кто строил социализм и ныне строит коммунистическое общество. Всенародно известными были и остаются его песни «Как родная меня мать провожала» и «Нас побить, побить хотели...».

Поэзия Демьяна Бедного неразрывно связана с традициями русской классики. В его баснях традиция Крылова сочеталась с политической силой коммунистических идей. Некрасов — лирик и сатирик — был для Демьяна поэтическим отцом. Как близка его поэма «Про землю, про волю, про рабочую долю» (выросшая

на страницах «Правды» и завершенная в исторический день — 25 октября 1917 года) знаменитой некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо». Сказки Пушкина и Ершова служили Демьяну Бедному одним из источников творчества. Он многому научился, осваивая традиции сатиры Щедрина, сатирической поэзии Курочкина и «искровцев». Он любил поэму Блока «Двенадцать», воздействие которой отразилось в его «Революционном гудке» и «Главной улице».

Поистине подвижнической была работа Демьяна Бедного в годы гражданской войны.

данской войны. Он был самым деятельным поэтом-агитатором, его агитвагон мчался от одного фронта к другому, вооружая воинов революции радостным стихом, бодрой песней и частушкой, стихотворной листовкой, плакатом со стихотворным призывом. Стихи, в которых Юденич был назван Иуденичем, а Шкуро — Шкуррой, в которых высмеивался страх перед вражескими танками («Танка — Ванька»), в которых пародировались манифесты барона Врангеля, знал каждый революционный боец. Невозможно переоценить роль Демьяна Бедного — поэта-сатирика и агитатора эпохи военного коммунизма.

Но Демьян был и отличным эпическим поэтом — в двадцатых и тридцатых годах он написал ряд талантливых поэм. Он был и тонким, проникновенным лириком, особенно ярко раскрывшимся в стихах о Ленине («Снежинки», «Ленинскому набору», «Никто не знал» и др.). Он всегда носил в своем сердце образ родного Ильича, всегда оставался мыслью и чувством с Лениным.

«Пишу — и думаю все время о нем, Об Ильиче, судьбе взыскательно строю», —

писал он в стихотворении «Живой образ Ильича».

В двадцатых и тридцатых годах Демьян Бедный звал к подъему народного труда, к индустриализации страны, к коллективизации сельского хозяйства. Он славил ленинскую дружбу советских народов («Клятва Зайнет» и др.), боролся за ленинскую чистоту и принципиальность в партийных рядах. Он много сделал для борьбы с суевериями и религиозным мракобесием. Его сатирические стихи на внешнеполитические темы получали широкий международный резонанс. Демьян был по-прежнему виднейшим поэтом «Правды», но печатался и в других газетах, в журналах, книги его выходили массовыми тиражами.

Сотрудничал Демьян Бедный и в «Крестьянке». В первом же номере журнала (июнь 1922 г.) он поместил статью, посвященную памяти крестьянки Бармашевой, приветствовавшей советскую жизнь и за это убитой кулаками. Демьян призывал советских женщин стать активистками новой жизни. В стихотворении «За буквари» (1929 г., № 5) он ратовал за ликвидацию неграмотности среди женщин деревни:

*Смело, бабы, тетки, девки,
Все садись за буквари.*

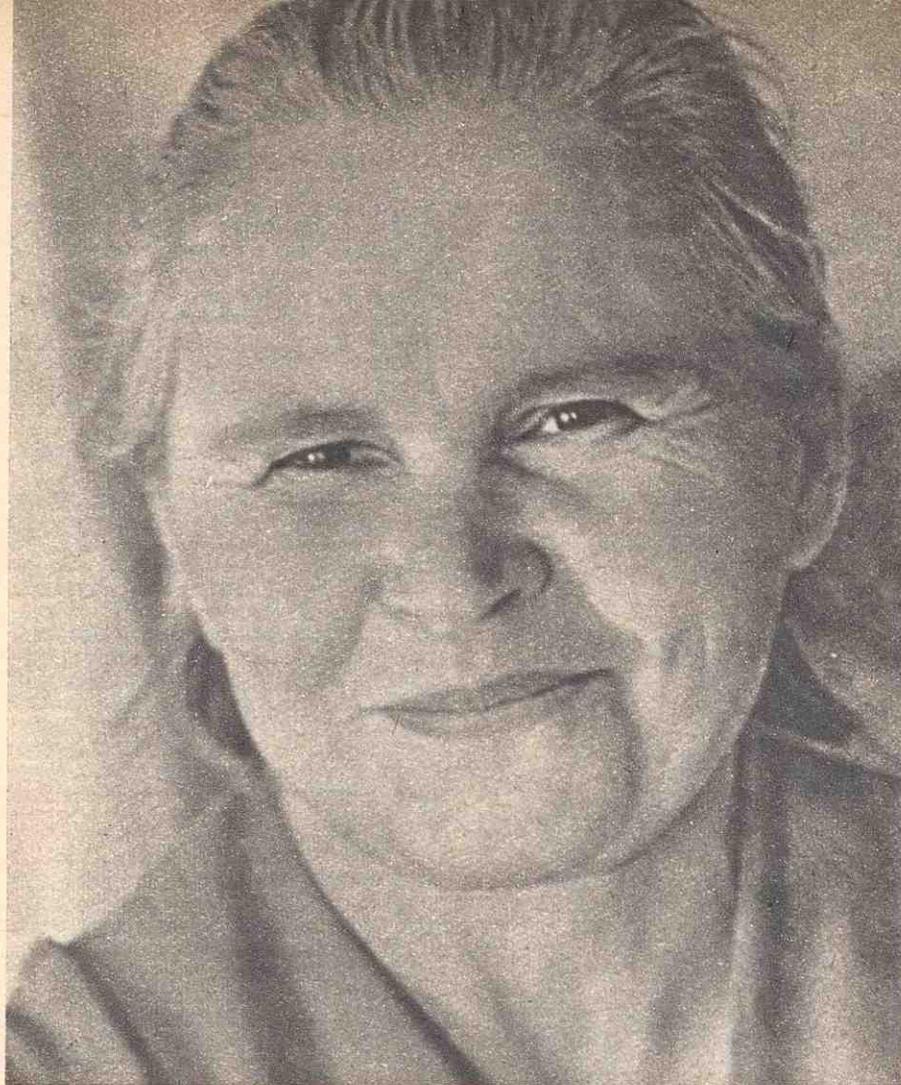
С середины тридцатых годов для Демьяна Бедного наступила трудная пора. Поэт старой ленинской гвардии, он испытал на себе тяжкий гнет культа личности Сталина. Но и в эту нелегкую пору его жизни Демьян не унывал. Помню, он говорил мне: «Война с фашизмом неизбежна. И в пору войны мой трубный голос опять понадобится газете».

Поэт не ошибся. В годы Великой Отечественной войны его могучий, бодрый, призывный голос снова раздался со страниц «Правды» и других изданий. Снова Демьян обращался к народным массам, писал стихи-фельетоны и стихи-агитки, остроумные стихотворные подписи к плакатам. Он пробыл на боевом посту до победы над фашизмом и приветствовал День победы горячими, взволнованными стихами в «Правде». А через несколько дней его не стало, тяжкая болезнь сломила этого человека-богатыря.

13 апреля исполняется 80 лет со дня рождения Е. А. Придворова. Его сильный, умный, прочувствованный стих, воодушевленный ленинскими идеями, живет и здравствует. Он по-прежнему любим народом. «И сейчас люди моего поколения, — сказал Н. С. Хрущев на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, — когда встречаются вместе в праздничной обстановке, с удовольствием вспоминают свое прошлое в годы гражданской войны и поют песни Демьяна Бедного потому, что эти песни и теперь звучат свежо и современно».

Творчество Демьяна Бедного — прекрасный пример служения народу, слияния партийности и народности искусства, любви к поэзии родного народа, к яркому, сочному и образному русскому слову.

Ал. ДЫМШИЦ

ДРУЖЕСКИЕ РУКИ

Розалия Марковна волновалась. Телеграмма вздрагивала в ее руках, глаза вновь и вновь пробегали тревожный текст.

«Скорее бы вернулся Борис!» — проносилось в голове.

Не выпуская телеграмму из рук, она то и дело подходила к небольшой фотографии. На фотографии дрожали веселые солнечные зайчики. Они ласкали высокий лоб миловидной женщины, золотили волосы, аккуратно собранные в пучок.

Наконец раздался долгожданный звонок, и муж, веселый, возбужденный, переступил порог. В городе проходила конференция врачей, и Борис Николаевич Гальперин только что успешно сделал доклад о лечении туберкулеза.

Войдя в столовую, он сразу увидел в руках жены телеграмму.

— Турчинская в Ясиновской больнице. Состояние тяжелое. Надо ехать. Сегодня же ехать. Понимаешь? — Розалия Марковна заглянула в тревожные глаза мужа и спросила:

— Бежать за билетом?

— Да, пожалуйста, — ответил Борис Николаевич и стал собирать в небольшой чемодан лекарства, инструменты.

Уже с дороги он позвонил на работу и убедил отпустить его на несколько дней...

Он проклинал автобус, который нарушал расписание. И все время думал о ней, о Нине Ивановне Турчинской, о женщине, к которой спешил на помощь. Чего только не припомнил он за дорогу!

...Седой, вьюжный январь 1944 года. Голодные, замерзающие люди сидят на обледеневшей соломе, тесно прижавшись друг к другу. Ветер бьется о ветхие стены конюшни, забирается под жалкие лохмотья, заставляет дрожать всем телом. Иногда пленные закрывают глаза, и тогда к ним приходят теплые, душистые сны.

Борис Николаевич знает, что это конец, что так можно замерзнуть, и, стиснув зубы, начиная расталкивать очокавшихся людей.

Староста деревни сумел договориться с немцами, чтобы жителям села разрешили передавать пленным продукты. Тогда-то Борис Николаевич и увидел Нину впервые. Невысокая, улыбающаяся, темноволосая, она торопливо доставала из-за пазухи теплые куски хлеба и раздавала их пленным.

Нина почувствовала на себе его упорный взгляд. Оглянувшись, она увидела не человека — тень. Она шагнула к нему и шепнула, передавая хлеб, чтобы во время вечерней прогулки он спрятался в кустах.

Сумерки только еще опускались, ког-

да Борис Николаевич замер, почти окаменел за конюшней.

Потом появились трое: та самая женщина и двое молодых ребят, почти мальчишек. Они положили его в телегу, накрыли каким-то тряпьем. От слабости и волнения Борис Николаевич несколько раз терял сознание.

Так он был спасен.

Но на ноги он встал не скоро. Пряча его, больного, Нина Ивановна каждый день рисковала жизнью. Три месяца она прятала Гальперина и в сарае, где раньше стояла корова, и на сеновале. Когда в Познанке оставаться стало совсем опасно, его укрыли у себя родственники Нины Ивановны из села Погребы, Биньковские.

Но вот в деревню пришла Советская Армия. Борис Николаевич смог снова выполнять свой долг врача.

Навсегда в его сердце осталась благодарность Нине Ивановне. Он знал, что каждую минуту готов будет броситься ей на помощь, если та потребуется.

...Торопливо прошел Борис Николаевич по селу, знакомому когда-то до мелочей. В маленьких окнах хат догорали яркие самоцветы зари. Где-то в высоком чистом небе повисли жаворонки. Он старался не смотреть по сторонам: и без того взволнованного, его будоражила и тревожила здесь каждая мелочь.

А он готовился к бою.

В белом халате, внешне абсолютно спокойный, Борис Николаевич вошел в больничную палату. Он сразу узнал Нину Ивановну. Но ее болезненно-бледное лицо, тронутое строгими морщинами, ее седина — вся она, так непохожая на ласковую и «рисковую» девчонку, какой жила в памяти, заставила его усомниться: «Вдруг я не смогу помочь?»

А ему доверчиво сияли с измученного лица только и оставшиеся молодыми глаза.

Он сел у ее изголовья, привычно нащупал пульс. Достал привезенные с собой лекарства... Борьба за человеческое сердце была нелегкой. Сердце билось то совсем слабо, то вдруг трепетало, как пойманная птица. А нужно было во что бы то ни стало заставить его работать ровно, безотказно.

Наконец настал день, когда Нина Ивановна выписалась из больницы.

Борис Николаевич сделал все, что под силу опытному врачу. А может быть, и больше. Ведь он вложил в борьбу за жизнь Нины Ивановны всю страсть своего благодарного сердца.

Когда Борис Николаевич уезжал, он был спокоен. Он шел по знакомой улице, и вслед за ним, взявшись за руки, словно озорные, смешливые девчонки, бежали от плетня к плетню молоденькие цветущие вишни в белых коротких платьях, в зеленых монистах.

По улице этой снова будет ходить Нина Ивановна Турчинская. То она будет спешить по своим делам председателя ревизионной комиссии колхоза, то пройдет неторопливо, любящая вешним солнцем, наслаждаясь густым запахом молодой полыни. Она будет дышать полной грудью. Будет жить.

Дружеские руки, протянутые человеку, попавшему в беду, — какая это сила!

Р. РАДОВСКАЯ

Одесская область.

Фото А. ШАПИРО.

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ НА ПРАЗДНИК

Кто станет возражать против веселого праздника, против шумного застолья, знаменующего окончание большой работы? Другое дело, если, забыв о важных, насущных заботах, кто-то вдруг загуляет, запирует нехватами. Ведь недаром гласит народная мудрость: «Делу — время, потехе — час».

К сожалению, живы еще в деревнях старые традиции, которые мешают колхозникам жить и работать: пьяным, бессмысленным разгулом отмечают здесь «престольные» дни, давно потерявшие смысл.

Праздновали до недавней поры свои «престолы» и в деревнях костромского колхоза «Совет». А приходились они на самую горячую пору — сев, сенокос, уборку.

Во многих деревнях и церквей-то давно нет, а «праздники» все-таки справляли своим чередом. Пили, гуляли, не выходя на работу по 3—4 дня. Кончался «престол» в одной деревне, а уж дым коромыслом в другой. Так и катилась хмельная волна от деревни к деревне. А на лугах стояли нескошенные травы, не заготавливались в срок корма, осыпалась перезревшая рожь.

Многие понимали: большой ущерб приносит хозяйству эти «праздники». Однажды коммунисты колхоза с карандашом в руках подсчитали, во что они обходятся хозяйству. Результаты поразили всех: более 80 тысяч невыходов на работу приходилось на «троицу», «владимирскую», «ильин день» и другие подобные дни.

Всем стало ясно: пора кончать со старым.

— А как же с праздниками? — раздавались голоса. — Должны же быть, кроме общенародных, и свои, сельские!

Тогда и решили: два раза в год — после сева и после уборки — устраивать общеколхозные праздники.

— И родственникам напишем, — говорили меж собой колхозники, — не приезжайте, мол, на «николин день», не будет у нас гулянья. А на «День весны» или на «День урожая» — милости просим.

Постановили и теперь крепко держат слово. Весной минувшего года колхозники Марутинского и Берзихинского участков и не вспомнили про «тихонов день» и «владимирскую». На лугах в эти дни поднялись 800 стогов сена. В «ильин день» у катуинцев круглые сутки стучали на токах молотилки. И начальники уча-

стков не жаловались, что кто-то не вышел на работу.

Новые праздники — праздники труда — стали в «Совете» по-настоящему радостными, интересными. Навсегда запоминаются они людям.

* * *

Кружились декабрьские метели в костромских полях, а в колхозе «Совет» готовились к «Дню урожая». Беспокойные, суматошные дни: женщины шили обновки, а в правлении, где штаб праздника, в последний раз прикидывали: все ли учли? Зарплата колхозникам выдана. В магазин завезли продукты: в каждой семье закончится праздник пиром, ко многим приедут в гости родственники. А как с премиями? Решили премировать три льнопункта, первыми выполнивших план сдачи льна, а Берзихинскому льнопункту передать и красное знамя. Телятницам, дояркам и льноводкам — тоже премии.

Точно в назначенное время в клубах всех участков колхоза и на центральной усадьбе в селе Рождественском начались торжественные собрания. Председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР Борис Владимирович Вестников и начальники участков поздравили колхозников с высокими трудовыми показателями, пожелали хорошо повеселиться в

Каким же радостным был тот яркий, солнечный день!

По этой улице шла праздничная демонстрация. Транспаранты и лозунги пестрели над колоннами.

В парке, занесенном сейчас снежными сугробами, звучала музыка, на эстрадах выступали певцы и танцоры, акробаты и фокусники. Рабочие предприятия города Шарьи — шефы колхоза — прислали свои коллективы художественной самодеятельности, духовые оркестры. Среди белоствольных берез, соревнуясь друг с другом в хлебосольстве, выстроились ларьки и буфеты.

Торжественно взмыло вверх знамя праздника. Его подняли лучшие люди колхоза — кузнец Кирилл Федорович Покровский и токарь Александр Сергеевич Соловьев.

Девчата стайками ходили за гармонистами; то спуют, то потанцуют. Через плечи гармонистов красные ленты: «Играю для всех!» Значит, и пожилым можно в пляс.

И на лугу не затихало веселье: там были устроены аттракционы.

Долго над рекой, над полями звенел праздничными голосами «День весны».

Г. ИСАЕВА

Фото К. СОКОЛОВА,

Шарьинское производственное управление,
Костромская область.

«День урожая». А потом загремела по колхозным клубам музыка, начались выступления самодеятельных артистов. Пришли школьники поздравить старших.

...С агрономом колхоза Галиной Александровной Смирновой мы идем по главной улице села Рождественского. Далеко видна белая лента замерзшей реки с одиноко застывшим на переправе паромом.

— А посмотрели бы, что было здесь прошлым летом, когда справляли праздник «Весны», — вспоминает Галина Александровна. — Два парома не управлялись перевезить с того берега гостей. Приехали родственники колхозников из Костромы, Горького, Кирова и даже Ленинграда.

Недавно в колхозе построена новая школа.

Спланировали застройку колхозного села — пусть люди живут удобно.

Построили новую школу. Раньше других колхозов открыли детские ясли.

А с 1956 года стали оплачивать колхозникам отпуска, назначать пенсии по старости.

Говорят же, как аукнется, так и откликнется. И откликнулась Анна Дмитриевна на заботу колхоза горячим трудом. Ее даже наградили орденом Трудового Красного Знамени. Теперь, как и другие старики в колхозе, Анна Дмитриевна

кам о тех временах, временах энтузиастов, искателей новых путей крестьянской жизни. Память женщины как объемистая книга. Она листает ее страницы и видит создателей коммуны. Поликарпова Филиппа Кузьмича, Брусенкова Федора Васильевича, Жука Артема Григорьевича. Вот они пламенно выступают на митинге коммунаров, вот открывают общественную столовую...

Как аукнется...

Монотонно стучали колеса поезда. Состав «Бийск — Лениногорск» медленно пересекал алтайские степи.

Мне повезло. На одной из остановок в купе вошли попутчики — мужчина и женщина. Они, как и я, ехали в колхоз «Родина».

— Домой добираетесь? — спросила я.

— Пока не домой. — Женщина взглянула на мужа. — Хотим перебраться туда на жительство.

Усевшись поудобнее, она доверительно, как это бывает лишь со случайными спутниками, рассказала о том, что заставило их семью задуматься о переезде на новое место. Причина оказалась не только в неблагоприятном для здоровья климате...

— А что, в «Родине» дела обстоят иначе?

— Там хорошо, — оживилась женщина. — Недавно я туда ездила, смотрела. Хозяйство богатое. Но главное, о людях там заботятся...

* * *

За последние несколько лет колхоз принял человек триста переселенцев. Что привлекло их сюда? Внимательное, заботливое отношение к людям или высокооплачиваемый трудодень? А может быть, знаменитая история колхоза?

Есть в «Родине» старожилы, которые помнят пору, когда после окончания гражданской войны красные партизаны организовали здесь коммуны. Среди них и Анна Дмитриевна Кулакова. Правда, она тогда была девочкой, и отец, а не она вступил в коммуну. Но о коммуне Анна Дмитриевна знает все, будто работала в ней. Часто рассказывает она вну-

Малышам никогда не скучно в детских яслях.

Очень хотели эти люди, чтобы крестьяне жили по-новому. Поэтому и строились в селе бесплатные бани, столовая.

Прожила коммуна недолго. И не все, что она делала, было правильным. Ведь ее создание было лишь пробой, поиском, наброском будущей крестьянской жизни. Но коммуна заронила в душу крестьян беспокойство. Нужное, важное человеческое беспокойство о том, чтобы всем жилось хорошо, легко, удобно.

Коммуну сменил колхоз. Анна Дмитриевна вступила в него одной из первых. И сколько помнит она свою артель, столько помнит артельную заботу о колхозниках. Ее, как эстафету, колхоз принял у коммуны.

Сначала посадили сад — пускай будут у колхозников свои яблоки.

Развели колхозный цветник — пусть красота войдет в каждый дом.

на получает пенсию. Детям она всегда говорит:

— От колхоза мы не должны силу, труд свой утаивать. Все ему надо отдавать. Ведь он-то нас не забывает.

* * *

С особым вниманием колхоз относится к вдовам, одиноким женщинам, многодетным матерям.

Был у Валентины Григорьевны Губаренко никуда не годный дом. Крыша текла, стены покосились, пол износился. А Валентина Григорьевна без мужа, с двумя ребятами на руках. Вот она и крутилась: то попросит соседа подпорку к стене поставить, то сама соломы на крышу набросает. О новом доме и мечтать боялась. А оказалось, зря.

Позвал как-то председатель Федор Митрофанович Гринько ее к себе и говорит:

Традиционное блюдо сибираков — пельмени. До чего ж ловко лепят их в столовой колхозной гостиницы!

— Почему за помощью в колхоз не обращаетесь? Дом у вас совсем плох. Валентина Григорьевна смутилась. Откуда председатель узнал о ее беде? Ведь она недавно в «Родине». В старом колхозе не один год прожила в ветхом доме и помощи просила, да все без толку.

— Неужто поможете? — нерешительно спросила она.

— Да кому же мы это строим, как не колхозникам! — Председатель указал на новые кирпичные дома за окном. — И вы будете жить в таком.

Вскоре Валентина Григорьевна справляла новоселье.

«Счастливая я все-таки, — размышляла она. — Ни о рабочих, ни о строительных материалах беспокоиться не пришлось: все колхоз сделал. А расплатиться за дом, пожалуй, меньше чем за десять лет сумею. Дети подрастают...»

Смотрит Валентина Григорьевна на село и диву дается: хорошеет оно с каждым годом. Плохих домов уже нет. Все больше становится типовых, кирпичных, как у нее. Теперь в селе с утра пилы визжат да топоры постукивают. Нарядный Дворец культуры вырос. Рядом — двухэтажные дома со всеми удобствами, как в городе.

А когда дома у человека хорошо, и в колхозе работа спорится.

* * *

С Александрой Константиновной Бобровой недавно такая история приключилась. Шла она с фермы домой усталая. Да как не устать, если коров у нее тридцать девять и надаивает она молока больше всех — почти по 3 тысячи килограммов от коровы! К тому же ноги ее стали беспокоить: ноют и ноют. А осень пришла — еще сильнее разболелись.

Шла Александра Константиновна в плохом настроении. Думала с досадой: «В контору еще зачем-то вызывают, кому я там понадобилась?»

Наскоро перекусив и покормив ребятшек, она пошла в правление. А возвращалась назад уже веселой. Дома выложила на стол перед матерью большой хрустящий лист бумаги. На нем было написано: «Путевка».

— Еду в санаторий! — радостно сообщила она. — Помнишь, писала заявление? Вот и получила путевку.

— Дорого, небось, обойдется твое лечение-то, — озабоченно заметила мать. — Что ты? И путевку и дорогу колхоз оплатит.

Мать, довольная, улыбнулась. Сама она никогда не ездила по санаториям. Дочь — вдова, а вот, поди ты, отдыхать в санатории будет.

— В правлении сказали, — добавила Александра Константиновна, — если надо будет, пошлют и на будущий год.

* * *

Бригада садоводов была в сборе. Расположились прямо в саду. Кто на земле, кто на скамейке. Решали важный вопрос: как назвать новую, выведенную в колхозе яблоню. Колхозный сад существует с 1931 года. Растут в нем и колючий крыжовник и раскидистая смородина. Есть сибирские ранетки. Но есть и яблони с крупными, ароматными, сочными плодами. Некоторые из них

здесь же, в колхозе «Родина», и родились. Ими-то и славится сад.

— А может быть, назовем именем Демьяновны, нашей первой звеньевой-садоводки? — предложил кто-то.

И назвали яблоню «демьяновской». Когда дочка Матрены Демьяновны Шульгиной, запыхавшись, прибежала домой и сказала:

— Мама, твоим именем нашу яблоньку назвали, — Матрена Демьяновна заволновалась.

— Да пошто же это? — говорила она.

А Максим Васильевич, муж Матрены Демьяновны, степенно пояснил:

— Известно пошто. Работала в саду всю жизнь не за страх, а за совесть, вот тебе и награда.

— Так ведь я пенсию получаю, — не успокаивалась Матрена Демьяновна.

— Пенсия пенсией. Ее все получают. А это награда особенная, за твое старание.

Провожая утром дочку на работу, Матрена Демьяновна говорила ей:

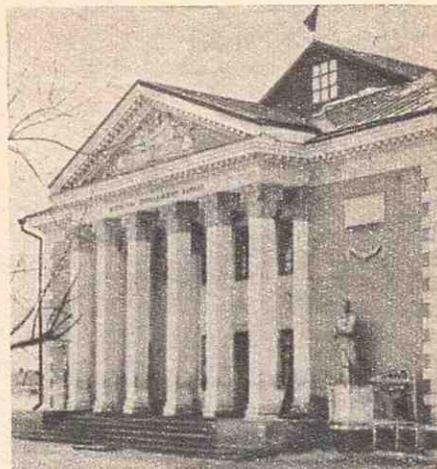
— Теперь, Анна, ты вместо меня в саду. Работай там, чтобы мне никто не мог глаз уколоть. Раз меня колхозники отметили среди всех, ты за нас двоих должна стараться.

Так и живут люди в этом колхозе. На каждом шагу чувствуют заботу, внимание к себе. Забота эта заставляет их работать от души, на совесть. В ней одна из причин успехов и славы колхоза.

М. СВИСТУНОВА

Фото Ш. ГУРОВИЧА.

Шипуновское производственное управление, Алтайский край.

Возле колхозного Дома культуры — ни души: спектакль уже начался. Сегодня самодеятельный коллектив ставит «Позднюю любовь» Островского. В это же время в одной из комнат Дома культуры проходит турнир шахматистов-любителей.

Сельская учительница

Александра Георгиевна Лукина вошла в класс, немного волнуясь. Даже в двадцать шестой раз начинать учебный год — событие. Она приветливо сказала:

— Здравствуйте, дети! Поздравляю вас с новым учебным годом. Выросли вы за лето! Ну, расскажите, как провели летние каникулы.

— Хорошо! — дружно отозвался класс.

— А вы, Александра Георгиевна, как отдохнули? — вырвался чей-то голосок.

— Хорошо, дети. — После небольшой паузы учительница повторила: — Очень хорошо!

Десятки беззаботных детских глаз вдруг по-взрослому серьезно взглянули на нее. Вездесущие деревенские мальчишки и девчонки знали, как провела лето их учительница.

...Решение она приняла в самом начале каникул. Взвесила все: в совхозе жаркая, сенокосная пора, а погода не балует — дожди. На счету каждая пара рук. К лицу ли ей,

коммунистке, депутату сельского Совета, быть в стороне от общих дел?

«Конечно, устала я за год, — рассуждала она сама с собой. — И все-таки подожду с отдыхом. Мало агитировать за то, чтобы все выходило на работу. Важно и пример подать...» С этими мыслями она и пришла в контору совхоза. Из-за стола приветливо поднялся ей навстречу управляющий отделением Косарев.

— Здравствуйте, Александра Георгиевна. Вы насчет ремонта школы? Поможем, поможем. Вот только на полях немного порядок наведем.

— У меня другая к вам просьба, Петр Васильевич. Прошу внести меня в список рабочих...

— Как же это? — удивился управляющий.

— А что? Разве я не гожусь, или вам рабочая сила не нужна?

— Да дело не в этом. Рабочая сила нам вот как нужна! — Управляющий провел ребром ладони пониже подбородка. — Только работа у нас, сами знаете, нелегкая.

— Это меня не пугает. Я же в крестьянской семье выросла.

С того дня Александра Георгиевна стала равноправным членом коллектива совхоза «Терьевский». В работе не делала себе никакой скидки. Выходила вместе со всеми, когда над селом еще перекликались голосистые петухи. Ее можно было видеть на сенокосе, где она ловко сгребала сено, то в поле, где косила зеленую подкормку для коров. Не раз она проезжала селом на лошади, доставляя в бочке воду на ферму. Выполняла и другую «черновую» работу.

Домой Александра Георгиевна приходила поздно, усталая, но довольная. Никто не знал, как трудно ей доставалось в первое время. Только самый близкий человек, муж, Владимир Александрович, догадывался об этом и как мог подбадривал жену.

Однажды бригадир полеводов Клавдия Петровна Антипова попросила учительницу:

— Не могли бы вы дня на три заменить меня? Мать заболела. Пришлось телеграмму, просит приехать.

На всю жизнь остались в памяти учительницы дни бригадирства, хотя ничего особенного и не произошло. Утром, как и обычно, бригада собиралась в условленном месте. Встретили женщины Александру Георгиевну по-разному. Одни вели себя так, будто не замечали перемены в руководстве. В глазах других пряталась усмешка: дескать, ну-ну, товарищ новоиспеченный бригадир, посмотрим, на что ты способна.

«Новоиспеченный» бригадир начала разговор просто:

— Что ж, бабоньки, пора и за работу.

В один из таких дней пришли на скошенный луг. Сено сухое. Сложить его в стог — и дело с концом. А на небе тучи собираются, того и гляди пойдет дождь. Вчера управляющий сказал, что пришлет стогометатель. С машиной за два часа можно застопорить. Но ее все нет и нет.

Через полчаса на луг прибежал паренек-посыльный. Переводя дыхание, он доложил:

— Управляющий, дядя Петя, велел сказать, что стогометатель будет только после обеда. Какая-то деталь у него полетела. В общем, стоит «на приколе». Дядя Петя распорядился перебросить вашу бригаду на прополку свеклы, то есть пока технику починят.

Александра Георгиевна взглянула на хмурившееся небо. «Пойдет дождь — погибнет сено», — подумала она и решила:

— Будем стоговать вручную.

Она быстро распределила народ: кого на оправку стога, кого сгребать и подавать сено.

Быстро летело время. Работали на совесть. Александра Георгиевна с вилами стояла на стогу. Ловко принимала сено, старалась шуткой подбадривать уставших женщин. Между делом поглядывала она на соседнее поле. Там копнила сено кузьминская бригада. Соседи работали вяло, часто делали перерывы, а к 12 часам собрались уходить на обед.

Александра Георгиевна не вытерпела. Спустилась со стога и направилась к кузьминцам.

— Здравствуйте, бабоньки! Что-то у вас сегодня не ладится, будто между вами черная кошка пробежала. Дождь вон собирается, а вы к домам потянулись. Или не жалко совхозного добра?

— А мы по закону. Семичасовой рабочий день. Четыре до обеда и три после,— бойко ответила одна из женщин и, вскинув грабли на плечо, зашагала к дороге.

— Закон законом, но ведь никто не запасет коровам корма, если мы сами рук не приложим,— старалась убедить Александра Георгиевна. Она кивнула в сторону своей бригады: — И для них закон тот же, а вот поди же, трудятся.— Она с пренебрежительной жалостью посмотрела вслед удаляющейся женщине.— По-моему, нет хуже человека, живущего по принципу: ешь — потей, работай — мерзни. А ну-ка, поторопимся до дождика! — Александра Георгиевна взялась за вилы. И женщины из кузьминской бригады присоединились к ней.

Напряженным был этот день для Александры Георгиевны. А ведь и нынешним трудным летом должна была она нести свою службу депутата. Если человек нуждается в ее помощи, разве обойдет она его стороной?

Был такой случай...

Три дня лил дождь как из ведра. Все село вдруг узнало тревожную новость: водой затопило избышку Марии Васильевны Шаровой. Александра Георгиевна хорошо знала эту 80-летнюю женщину. Родные Шаровой поразьехались кто куда. Уже давно она жила одна.

— Как же теперь, Мария Васильевна? — придя на место происшествия, участливо заговорила учительница.— Может быть, к родным вам уехать?

— Нет, доченька. Никуда я не поеду из родного угла. Помирать мне тут.

Устроив на время Шарову у соседей, Александра Георгиевна начала хлопотать. Сходила в сельский Совет, затем к директору совхоза. Обратилась за помощью к односельчанам. Добилась своего. Совхоз безвозмездно выделил амбар, а односельчане А. Струныгин, Н. Антипов, Ю. Крылов взяли за топоры и пилы. Работали вечерами. И поставили Шаровой новый домик. Печник И. Заборов сложил в нем добротную русскую печь. И все бесплатно. В конце лета Мария Васильевна справила новоселье. И вот сегодня, когда учительница проходила мимо этого домика, старушка не упустила случая, окликнула ее:

— Зайди, зайди, не стесняйся! Пирогом угощу. Ведь ты мне стала дорожкой родной дочери.

От этих слов радостно на сердце учительницы. И в который раз думает она про себя: «Ну разве не удачно провела я свои каникулы?»

Е. ЩЕННИКОВ

Волоколамское
производственное управление,
Московская область.

Фото Я. МИХЛИНА.

ГУДЯТ ПРОВОДА

В. БЕЛОВ

Рассказ

У Романовны всю зиму тосковали руки. Особенно по ночам и к перемене погоды. Как она их ни парила, чем ни мазала,— толку не было. Днем еще ничего, за работой боли не чувствовалось, а ночью, только погасишь лампу, заноеет в локтях и в запястьях, будто кто жилы из них вытягивает.

— Иди, девка, к фершалу-то! Иди и не майся! — сказала однажды соседская Алевтина.— Спаси-сохрани, ежели совсем доведешь руки-то!

После женского дня Романовна срядилась наконец сходить на медпункт. Правда, особо какие сряды! Наказала Алевтине дать сена корове и выставить из печи картофельную оладью, попринарядилась да и пошла.

Дорога тянулась вдоль телефонной линии. Как раз потеплело, крыши впервые перед весной тихо плакали, но снег под ногой еще не оседал. В безветренном поле роняли иголки придорожные елки. Воздух был молочно-прозрачным, явственно проглядывались сиреневые ольховые островки, да и горизонт был сиреневым. От дороги пахло оброненным за зиму сенцом, а над головой по-комариному тонко пели провода. Будто гусельные струны, бежали по небу тонкие, звенящие линии, у каждого столба их пение нарастало, потом замирало, заворачивая, и вновь нарождалось у другого столба.

До медпункта всего километров двенадцать, к тому же Романовна любила ходить пешком. Еще в девках навывкла бегать по всяким дорогам. Зимой — по скрипучим санным проселкам, летом — по сенокосным тропам да по болотинам. А чего только не передумаешь на ходьбе, кого не вспомнешь! Мысли друг за дружкой так и выжуются. Вот и сейчас. Увидела на дороге след от большого кирзового сапога и вспомнила сына: «Степанко тоже такие сапоги носит. Третий год в солдатах. Разматерел и в плечах и всяко, а начальство не слушается, всем командирам наперек да и выпивать научился. А все чужая сторона, оговорить некому. Приезжал перед Новым годом, через военкомат вытребовали, чтобы печь у матки перекладь. Печь-то переклад, но и винца попил. Сказала: «Пошто бы уж, Степа, много-то пить?» А он хоть бы что, только поет про моряка да про какого-то морского дьявола. Всю неделю ходил в Заозерье к Ленке Смирновой. Опять молвила, чего, мол, в Заозерье ходить, Ленка сама на чужом подворье живет, ни кола ни двора. Девка — сирота, послали из детдома по комсомолу на ферму работать, приткнулась у крестного да и живет. Чего выходишь? А он только хохочет да поет, что морской по ндраву дьявол. И песня-то какая — ни уму ни сердцу. Уехал дослуживать, а те-

перь пишет, что отпустят, наверно, весной, немного осталось служить. Хочет в том же городе остаться, домой неохота, говорит, никого в деревне не стало, там, в городе, и женьюсь...»

За такими думами Романовна и не заметила, как отмахала дорогу.

Медпункт размещался в одной избе с родильным домом. Четыре кровати в родилке почти всегда пустовали. Зато за переборкой, на медпункте, народу бывало порядочно. «Ежели много людей в очереди, схожу в лавку, а ежели немного, так пождо», — подумала Романовна.

Она обмела веником валенки и почувствовала, что позади кто-то идет. Оглянулась и увидела Ленку Смирнову. Ленка так завязала платок, что почти глаз не было видно.

— Здравствуй, тетя Маня, — сказала Ленка и хотела пройти вперед.

Романовна поздоровалась и остановила Ленку.

— Что это ты, милая, бежишь, как на пожар?

— Да некогда, тетя Маня, мне. Коровы одни остались.

— Коровы не убегут, поди. Чего, занемогла чем?

— Голова что-то болит, — потупилась Ленка, — второй день болит.

— Простудилась, видно. А ты бы чаю с малиной да на печь, пропотела бы — все как рукой сняло. А у меня вот руки тоскуют.

Очередь была небольшая. На стульях сидели маленькая незнатная бабушка да чужой старик в шубе и в подшитых войлоком валенках. Романовна поздоровалась и развязала теплый платок, осталась в одном белом бумажном платочке.

Посидели, помолчали, пока не вышла из-за перегородки врачиха Анна Григорьевна. Она оглядела всех, увидела Ленку.

— Смирнова? Проходи! — И пропустила Ленку вперед себя.

— Вишь, молоденьким какая честь, наперед стариков пропускают, — сказал старик в шубе.

— А куда тебе торопиться-то? — оглянулась Романовна.

— Как куда? — сказал старик. — На тот свет охота, я уж в тамошних списках числюсь. Чего тут больше делать? Вина пить не дают, старуха стала старая, одна от нее ругань, а больше никакой пользы. На тот свет пора, на тот.

— По твоим речам дак ты и молоденького переживешь, — отмахнулась Романовна. — Чего с рукой-то?

— С рукой-то? — Старик поглядел на завязанную холстиной руку. — Чего с рукой, я уже и забыл, давно из дому-то.

— Порубил, поди?

— Знамо, порубил.

— Поменьше языком будешь молоть.

Маленькая бабушка слушала разговор молча, но потом и ей захотелось поговорить.

— Не слушай ты его, не слушай,— замахала она рукой,— всю упряжку не дело говорит.

Вышла опять врачиха Анна Григорьевна и с ней Ленка. Они вместе ушли в другую дверь. Вскоре Анна Григорьевна вернулась уже одна. Романовна поглядела на дорогу в окно, Ленки не видно было. «Куда это девалась девка? — подумалось Романовне. — Вроде дороги-то нету другой».

Тем временем Анна Григорьевна поставила маленькой бабушке градусник, велела подождать и ушла.

— Ой, спасибо, милая,— заговорила ей вслед бабушка,— сразу легче стало. Я уж все лепешки, какие в шкапу были, съела, и сусиди порошков приносили всяких...

— Сусиди, сусиди,— передразнил бабушку старик в шубе,— сидела бы дома-то.

— Да ведь как, батюшко, ешто и пожить-то охота, белого-то света жалко.

— Живи, кто тебе не велит. Я вот дома старухе как поставлю градусник, так всю хворь будто ветром сдует.

— Тьфу, тьфу, дурак сивой,— заплевала бабушка.— Сиди, бесстыдник! Век прожил, а толку, как у маленького. Ведь, поди, и у деток детки, а он все еще языком барахвостит!

Старик покашлял «кхе-кхе», поскреб за ухом коричневым от курева ногтем и промолчал.

Анна Григорьевна вызвала Романовну к себе, выслушала жалобы ее и дала лекарства. Велела прогревать руки и мазать мазью.

— Никакой работы нельзя делать, а особенно тяжелой! — сказала она Романовне, провожая ее до двери.

— Да что ты, матушка, Анна Григорьевна! Я ведь умру без работы-то, а люди-то что скажут?

Но врачиха и не слушала Романовну, оставила ее в пустой приемной, а сама вышла. Романовна слышала, как хлопнула дверь в родильной половине, завязала платок и направилась в магазин.

Она купила новую сковородку, хлеба, ниток, спички и пошла домой. Провода над головой все гудели, а Романовна думала свои думы и все больше о сыне Степанке. Пусть бы ехал домой да женился на той же Ленке. Девка хоть и не больно красива, зато работница золотая, одних премий сколько ей надавали, и в районе почет.

Романовна думала на ходу, как собрали бы вечерок, и уже в уме прикидывала, куда поставить Степанову кровать. Глядишь бы, и внучек объявился, а ей ничего больше и не надо, стала бы переключиваться с маленьким, а насчет работы, так она еще ни которому не уступит.

Она снова вспомнила разговор с Ленкой и почувала не то тревогу какую, не то беспокойство, словно уронила на пол иглу, а найти так и не нашла. Чего это она такая завязанная по самые глаза? И врачиха ее без очереди пропустила...

И вдруг у Романовны екнуло сердце и голову просветила простая, как снег у дороги, мысль: «Да ведь... ой, господи! Ведь она, Ленка-то, в родильной осталась!» Романовна прикинула в уме, когда уехал Степанко: выходит как раз на это, пошел третий месяц. Сначала Романовна замедлила шаг, потом и совсем остановилась расстроенная. Как это она сразу не догадалась? И вдруг чуть не бегом ринулась обратно, от расстройств даже не поздоровалась со встречным человеком.

Двери в медпункт были уже на замке. Романовна подошла ко вторым дверям, перевела дух и прислушалась. В родилке было тихо, только трещали дрова в плите. Романовна, не раздумывая, дернула за скобку, но двери были заперты на крючок.

— Кто там? Что такое случилось? Врачиха Анна Григорьевна приоткрыла дверь, строго посмотрела на Романовну.

— Я сейчас занята. Придите завтра. — И хотела захлопнуть двери, но не успела.

Романовна протиснулась в прихожую и вбежала в палату. На белом столе сверкали какие-то инструменты, а Ленка уже под простыней лежала на другом столе.

— Что это такое? — опомнилась врачиха.— Гражданка, немедленно выйди отсюда!

Романовна дернула с Ленки простыню, та вскочила и, плача, закрылась халатом.

— Ну-ка, вставай, вставай, девонька,— заговорила Романовна,— ишь чего выдумала, вставай да пойдем отсюда. А ты, милая, убери свои инструменты! — обернулась она к врачихе.

— Что вы тут голову мне морочите? Вы мать ее, что ли?

— Мать, милая, мать! Ишь, что выдумали!

Врачиха пожала плечами. — А ты что ревешь? Не надо было раскладываться перед каждым.

— Это как, милая, перед каждым?! — оглянулась Романовна. — Это перед каким, перед каждым? Мой Степанко не от худых людей, слава богу, я век прожила, людей не смешила, и на хозяина люди не пообидятся, спроси, кого хошь, на войне сгинул за нас, грешных. Вставай, Еленка, надевай туфайку! Перед каждым! Ишь что выдумали!

Врачиха теперь все поняла и заулыбалась. Ленка все плакала, а Романовна долго не могла успокоиться от обиды на врачихины слова.

...Когда они шли домой, снова гудели тихие провода, сумерки растекались в лесу и в поле, а по деревьям зажигались огоньки в домах.

У крыльца Романовна подала Ленке корзину и ключ от замка.

— Иди, девушка, зажигай лампу да ставь самовар, а я корову провожаю.

Через час они сидели за столом и пили чай. Потом Ленка на углу стола писала письмо под такую диктовку:

— Пропиши ему мое слово, прохвосту, чтобы он, прохвост, домой ехал, а на крестного наплюнь, ну его к водяному, проживем, даст бог здоровья...

* * *

Но «прохвост» не приехал. И когда через полгода Романовна привезла от Анны Григорьевны Ленку и новорожденную внучку, все так же тонко гудели вдоль дороги и у деревни провода, гудели от далекого нестихающего ветра.

ТАКАЯ СТАРСТЬ — ЭТО ХОРОШО

Наука и техника успели за прошедшую половину века ошеломляюще много. Одно и то же поколение с любопытством глазело на отчаянных смельчаков, поднимавших в воздух первые летательные аппараты, и оно же рукоплещет нашим доблестным космонавтам, увидевшим землю уже чуть ли не со звездной высоты. Не это ли породило мнение, будто в наше время люди разучились удивляться? Мол, рядом с гордым сознанием, что человек все может, удивлению не остается места. Что ж, приходится только пожалеть утративших способность воспринимать новое с чувством изумления. Жизнь для них всегда тускла и обыденна. Но зато какой бесконечно интересной она представляется тем, кто всегда живет в предчувствии необыкновенного чуда, которое должно вот-вот произойти!

Даже при короткой, мимолетной встрече с замечательной советской писательницей Мариэттой Сергеевной Шагинян испытываешь радостное возбуждение. Она заражает и своей жизнерадостностью и какой-то неукротимой любознательностью. Вот уж для кого каждый новый день жизни удивителен! И она не прячет этого чувства, а отдается ему с непосредственностью юности.

Можно предвидеть возмущение Мариэтты Сергеевны, услышавшей этот, с ее точки зрения, сомнительный комплимент. По ней, всякий возраст имеет свои преимущества и старость вовсе незачем сравнивать с молодостью. Она твердо убеждена в том, что старость «имеет свое большое счастье, когда всем в мире — книгой, природой, дружбой, детьми, политикой, воздухом — наслаждаешься в тысячу раз сильнее и объективнее, нежели в молодости. Словом, старость — это хорошо...» И Мариэтта Сергеевна, перешагнувшая через свои семьдесят пять лет, живет поистине полной жизнью. Ее интересы широки и многообразны. Она не знает усталости, знакомясь с людьми и странами, книгами и событиями.

Надо заметить, что умение удивляться не только прекрасное свойство человеческого характера. Удивление — это тот эмоциональный заряд, без которого немислимо творчество. Любое. А творчество Мариэтты Сергеевны тем более. Оно до последней строчки рождено жаждой постичь новое, срочно вмешаться в жизнь.

Рассказывают такой случай. Было это сравнительно недавно. Мариэтте Сергеевне захотелось селедки, обыкновенной керченской селедки. Она зашла в магазин. Там ее не оказалось. Пошла в другой, третий, пятый. Везде в ответ слышала: «Нет», «Давно не было», «Не предвидится». Был уже поздний час. Ей бы, грубо говоря, плюнуть на это, ну в крайнем случае излить свое возмущение в книге жалоб. А она отправилась в редакцию «Известий» — газеты, с которой ее связывает многолетняя дружба, и, взяв командировку, немедленно отправилась в Керчь, чтобы на месте выяснить, куда же делась эта знаменитая селедка. Через некоторое время в газете были напечатаны статьи, где серьезно и глубоко анализировалось положение дел с уловом рыбы на Азовском море, по-государственному ставились вопросы, решение которых должно изменить положение.

Может быть, в действительности это произошло иначе. Но этой истории веришь. Так и только так поступала Шагинян на протяжении четырех десятков лет, сотрудничая в нашей печати. Почти каждый ее очерк, статья — это не только результат наблюдений со стороны, но только исследование, это всегда вмешательство человека лично заинтересованного. И именно поэтому работа в газете всегда занимала такое большое место в ее жизни.

В 1922 году, 7 сентября, Мариэтте Сергеевне Шагинян был выдан редакцией газеты «Правда» первый мандат, с

которым она отправилась в длительное путешествие по стране для того, чтобы рассказывать в газете «о жизни, нуждах и достижениях братских республик в их упорной работе по залечиванию ран — восстановлению хозяйства, водворению мирного строительства народов под знаменем совместной трудовой жизни». И с той поры беспокойная писательница избородила всю страну, каждый раз привозя из поездок не только материал для своих книг, но и оставляя след там, где побывала.

Даже названия книг ее очерков — «По дорогам Армении» и «По дорогам пятилетки» — говорят об ее охоте к «перемене мест».

«Для того, кто живет в движении, — пишет М. С. Шагинян, — внимание — это первая добродетель. Нужно научиться пристально всматриваться, связывать, понимать. Словно в разрезе, отваливаясь, как краюха от ножа, по обе стороны вашего пути открывается богатая, непрерывно меняющаяся жизнь страны». За этой страстью к наблюдениям видится не только стремление разобраться в дне текущем, желание передать его глазами очевидца, но и готовность, если того требуют события, безбоязненно ринуться в драку. В 1926 году она поехала на Чиатурские месторождения марганца, которые тогда были сданы в концессию американским промышленникам. Чужаки, они варварски эксплуатировали и месторождение и рабочих. Не свое — не жалко. Не выполняя договора с Советской властью, они грабили руду, обрушивали кровли, заваливали шахты. Все это предстало глазам Шагинян во всей своей вопиющей неприглядности. Она представила тогда Закавказскому краевому комитету партии подробный доклад о положении на каждой шахте, а потом резко выступила в газете «Заря Востока».

Как и следовало ожидать, порядок был наведен.

Энергия и любознательность вели ее в глубины шахт и на вершины гор. Она была первой женщиной, спустившейся в шахту. Она была и первой женщиной, которой покорился четырехкилометровый Арагац. Кстати, было ей тогда 39 лет, и альпинистской сноровкой она не обладала.

Широта интересов и кругозор соединены в ней с умением работать — неистово, непрерывно. В своем дневнике Мариэтта Сергеевна записывает: «Чем работы больше, тем больше чувствуешь, что все успеешь, на все хватит сил». И это умение трудиться принесло замечательные плоды: ею написано книг больше, чем ей лет.

В романах и повестях М. С. Шагинян тоже никогда не оставляет воинственность. В этом отношении наиболее показательны ее роман «Гидроцентральный» — одно из лучших произведений нашей советской литературы. Эта книга, рассказывающая о строительстве гидростанции в горном ущелье, в конце двадцатых годов прозвучала как призыв за плановое построение социализма.

Главным достоинством нашей литературы Мариэтта Сергеевна считает то, что книги советских писателей пробуждают бодрые, оптимистические чувства, что они прямо и оперативно влияют на нашу действительность. К этому сама она стремилась всю жизнь.

М. С. Шагинян не только художник слова, но и ученый. Ее перу принадлежат серьезные исследования о творчестве великого немецкого поэта Гете — ее увлечение в молодости — и Тараса Шевченко — великого украинского кобзаря. За книгу о Шевченко, написанную почти целиком на архивных материалах, М. С. Шагинян было присвоено звание доктора филологических наук.

Книги Шагинян всегда интересны. И сама она, как интересная книга: с ее знаниями и темпераментом, с ее бодростью и устремленностью в будущее, с ее семьюдесятью пятью годами, которых не чувствует она сама и о которых не подозреваешь, следя за ее работой. Только за последние два года читатели прочитали ее английские, итальянские и чешские письма, полные метких наблюдений и серьезных раздумий над жизнью и искусством. Но это, можно сказать, было написано между делом. Последние девять лет были ею отданы фундаментальному труду — исследованию жизни и творчества несправедливо преданного забвению чешского композитора XVIII века Иозефа Мысливечка. Так появилось на свет ее последнее детище — книга «Воскрешение из мертвых».

Да, узнав Мариэтту Сергеевну, остается только согласиться: такая старость — это хорошо. Вот уж действительно: не тот стар, кто годами взял, а тот стар, кто душой уявл.

А. ШАПОВАЛОВА

Гашеку черты Швейка и уверовали в собственную выдумку. Старый фильм о Гашеке, снятый в 1932 году, еще больше укрепил в этом заблуждении. В нем Гашек — прежде всего Швейк.

Новый фильм о Я. Гашеке показывает его таким, каким он был в действительности. Роль Гашека играет двадцатитрехлетний чешский актер Иозеф Абрахман.

Сложность этой роли заключается в том, чтобы не грубо, а тонко и достоверно раскрыть тот огромный переворот, который произошел в психологии человека, в общем-то далекого от революционных идей. Под влиянием событий первой мировой войны и Великого Октября Гашек становится таким, каким его впоследствии узнал весь мир.

Подтверждение этому можно найти во многих признаниях писателя. Вот

который ребенком убежал из дому и бродит по белу свету, чему верили даже хитрые патрули чешских войск, проходившие по краю. От Симбирска до Иркутска я шел с Красной Армией».

Не только штыком, но и пером боролся Гашек за Советскую власть. Его политические памфлеты и сатирические фельетоны разили многочисленных врагов молодой Республики Советов.

О большом и серьезном, что случилось в жизни Гашека во время его жизни в России, авторы фильма рассказывают с добрым лукавым юмором, так, как это, наверное, сделал бы он сам. И в этом одно из неоспоримых достоинств фильма. Комизм и ирония Гашека-сатирика все время незримо присутствуют в фильме.

Как забавно, например, показана встреча Гашека и Страшлипка со Свердловым. В кабинет влетают две бессмертные души: в предыдущем эпизоде Гашека и Страшлипка вели на расстрел. «Влетают» потому, что секретарем-бюрократам, сидящим на страже у дверей, будь они в человеческом облике, они никогда бы не договорились!

Советским зрителям этот фильм будет особенно интересен. И не только потому, что он рассказывает о «русском периоде» в жизни замечательного чешского сатирика. Он еще одно свидетельство нерушимой советско-чешской дружбы.

Ф. БАРАНОВА

«БОЛЬШАЯ ДОРОГА»

...Медленно вертится вокруг своей оси земной шар, по которому бодро шагает под бойкую мелодию хорошо известный вам Швейк — неуклюжий, добродушный и немного лукавый герой Ярослава Гашека. Так начинается фильм о замечательном чешском сатирике Ярославе Гашеке (1883—1923 гг.). Кадры, в которых бравый Швейк марширует по планете, как бы символизируют мировую известность этого литературного героя и его автора.

Но, вероятно, немногие из наших читателей знают о том, что Ярослав Гашек пять лет (с 1915 по 1920 г.) провёл в России. После победы Октябрьской революции он стал коммунистом, политработником и командиром Красной Армии.

Пребыванию Гашека в нашей стране и посвящен фильм, снятый советскими и чешскими кинематографистами.

Зрители фильма познакомятся и с тем, кто послужил Гашеку прообразом Швейка. Это верный ординарец Гашека Иозеф Страшлипка, вместе с которым писатель воевал в России в рядах Красной Армии.

Как же он попал в Россию?

И об этом рассказано в фильме.

Когда началась первая мировая война, Гашек служил в частях австро-венгерской армии. Однажды к нему подошли несколько русских солдат и попросили взять их в плен. «Мне не поверят, — отпирался он, — вас много, а я один». Гашек сам давно мечтал при первом удобном случае сдать русским, так как не хотел сражаться за чуждые ему интересы Австрийской империи.

Вопреки здравому смыслу победа осталась за «противником». Гашек получил за поимку пленных медаль «За храбрость» и повышение: стал командиром отделения.

И очень скоро вместе со Страшлипкой он проделал то же, что русские солдаты.

Для многих облик Гашека в новом фильме окажется неожиданным. Дело в том, что читатели давно приписали

одно из них: «Непостоянство я утратил за тридцать месяцев неустанной работы в коммунистической партии и на фронте, за вычетом небольшого приключения, когда братья-соотечественники штурмовали Самару в 18-м году, а мне пришлось в это время, прежде чем я пробрался в Симбирск, блуждать по Самарской губернии, играя роль идиота от рождения, сына немецкого колониста из Туркестана,

Кадры из фильма «Большая дорога».

Из
редакционной
почты

«...Были когда-то в нашем селе кружки художественной самодеятельности. На наши вечера приезжали гости из района, а мы сами ездили с концертами в другие села. Весело мы тогда жили. Потом у нас забрали на центральную усадьбу колхоза клуб и некоторые другие постройки. А в прошлом году сломали и конюшню, которая долгое время служила клубом. Нет у нас света, и даже о том, чтобы обеспечить всех стеклами для ламп, никто не заботится.

И становится очень обидно, когда слышишь, что жизнь в других селах год от года улучшается, а нам живется все хуже и хуже...»

К. ЧЕРЕНКОВА, Т. СОБОЛЕВА, З. МЯГКОВА и другие.

ДОСТАТОК — ЕЩЕ НЕ ВСЕ

Два ряда домов разделены ложбинкой. От дома к дому еле заметные тропинки в сугробах снега. Тишина. Изредка промелькнет чья-то фигура, залает шустрая собачонка. И опять тишина. А вокруг чистое поле, свист ветра да легкая поэмка над снежными просторами.

В середине дня из неказистого домика с крыльцом выходят школьники и расходятся в разные стороны.

Спускаются сумерки. В окошках саманных домиков загораются огоньки керосиновых ламп и коптилок.

В сумерках возвращаются с работы мужчины. Они ужинают, отдыхают, успевают что-то сделать по хозяйству. На этом, собственно, и заканчивается день. Спать ложатся рано.

Так живет сейчас поселок Первые Криушанские выселки, Воронежской области. Когда-то здесь были клуб, школа, детские ясли и другие постройки. Колхоз славился в области своей самодеятельностью. На концерты приезжали жители районного центра и близлежащих деревень.

В 1950 году колхоз объединили с соседним, Александровским. Новое правление колхоза распорядилось перевезти из Криушанских выселок клуб, школу, детясли. Дело это двенадцатилетней давности, и подробно разбирать его сейчас нет необходимости.

В 1957 году поселок перешел в Семёноводческий свеклосовхоз № 44. Руководство совхоза забрало из поселка два зернохранилища. Осталась в Криушанских выселках одна конюшня.

С тех пор как колхозники оказались без клуба, они упростили киномеханика

приезжать к ним с передвижкой хотя бы раз в неделю. Киномеханик, которого все они называли просто Вовкой, не смог им отказать.

Последние пять лет жители поселка смотрели кино в конюшне. Конечно, какие уж там удобства, когда приходилось сидеть в холодном сарае на яслях, санях и всевозможной извозной утвари! Вместе с колхозниками в конюшню забивались собаки, и когда с экрана слышался лай, собаки, находящиеся в «зале», дружно подхватывали его. В те дни в поселке стали распевать колючую частушку:

*Мерин Вовку тычет в спину:
— Побыстрой гони картину!
Не стоять же до утра —
Нам, животным, спать пора!*

...Сейчас председатель райисполкома Василий Ильич Попов возражает: «Не могло этого быть! В конюшне кино смотрели — может быть. Но чтобы вместе с лошадьми — не могло этого быть!» Василий Ильич даже настаивает: «Вранье это! Не верьте им!»

«Им» — это почти тридцати семействам поселка. Не верить им трудно. А проверить невозможно. Потому что руководство совхоза распорядилось в прошлом году разобрать и перевезти конюшню во второе отделение совхоза, за пять километров от поселка. И вот уже полгода жители поселка не видят кино.

На втором отделении совхоза есть клуб. И руководители совхоза и председатель райисполкома считают, что для желающих посмотреть кино пять километров не крюк. При этом они приводят в пример свои молодые годы и вспоминают, как когда-то бегали за несколькими километрами...

Но надо же спуститься на землю, дорогие товарищи руководители! Надо же понимать, что очень хорошая, культурная женщина, которую в поселке называют ласково Нюсей, не побежит за пять километров даже на самый интересный фильм. Потому что у нее трое детей. И Анна Федоровна Кузнецова не побежит: у нее большое сердце. И многие другие женщины не побегут, потому что им уже на пятый десяток, а некоторым и того больше. Но почти все эти женщины — бывшие участницы самодеятельности, и они не могут жить без кино, радио, газет и журналов. Культура им нужна как воздух. И просьбы их законны. Они продиктованы всей нашей жизнью, они записаны в Программе нашей партии, в программе построения коммунизма.

И тем более хочется отстаивать просьбы жителей этого поселка, что ни в письме, ни в личных беседах ни один человек не высказал мелочных, корыстных претензий. Одного хотят они — света, культуры, общественной деятельности. Да и так ли уж необходимо «бегать» в кино за пять километров в пургу и метели, по снежным сугробам?

Собрались все вместе в маленькой школьной комнате: директор совхоза, парторг, председатель райкомкома, управляющий отделением и жители поселка, — пошумели, поделились наблюдениями и все вместе пришли к выводу, что можно построить в поселке небольшой саманный клуб. Временный, лет на пять — десять. Постройка не капитальная, много средств не потребует, а будет у людей помещение, где они смогут посмотреть кинокартину, провести собрание, вечер,

а может быть (чего не бывает на свете!), вдруг заглянет к ним и лектор!

Итак, с клубом вопрос был решен сравнительно легко. Даже В. И. Попов согласился. «Но вот уж в отношении света, — сказал он, — нет! Свет в поселок давать не будем. Дай им свет, так их потом с места не сдвинешь».

Вот мы и подошли к самой главной проблеме маленького поселка. Согласно генеральному плану, в районе не должно быть маленьких поселков. Из всевозможных Выселок, Двориков, Хуторков люди должны переселиться на центральные усадьбы колхозов и совхозов. С этим нельзя не согласиться. На центральных усадьбах имеются клубы, библиотеки, школы, детясли и детсады, больницы, бани, парикмахерские, столовые, магазины, швейные и ремонтные мастерские.

Вполне понятно, что нет смысла в поселке из 20—30 домов строить больницу, школу или какое-либо другое капитальное сооружение. Но понятно всем и другое: переезд из маленьких поселков на центральные усадьбы займет не меньше пяти лет. Как же должны жить люди в этих поселках ближайшее пятилетие?

Мы много и горячо обсуждали, что конкретно можно сделать для Криушанских выселок. Руководители совхоза решили летом этого года при новом овчарнике в Выселках поставить электромотор большей мощности. Это позволит осветить 28 домов поселка.

Но без поддержки районных и областных организаций совхозу будет нелегко выполнить обещание. А на поддержку райисполкома рассчитывать трудно.

Василий Ильич Попов, например, со всей горячностью считает, что жителям маленьких поселков можно прямо-таки позавидовать: «Они живут, как князьки! Держат свиней, коров, овец, много птицы. Вокруг поселков обширные угодья. Еще бы им обижаться на жизнь!»

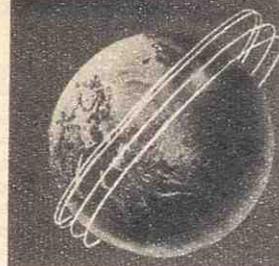
А те самые женщины, что когда-то выступали на сцене своего колхозного клуба, пятидесятилетние бывшие запевалы, собравшись в маленькой избушке при свете коптилки, с горечью в голосе говорят: «Да, у нас есть и коровы, и свиньи, и овцы, и птица. Все это есть. Но нас не устраивает только материальное благополучие. Нам тоже хочется пожить в светлых домах с водопроводом. Мы хотим смотреть кинофильмы и спектакли. Мы хотим работать и правильно воспитывать своих детей».

Каждую зиму женщинам приходится сидеть дома, потому что не с кем оставить детей. А в это время на центральной усадьбе совхоза не хватает рабочих.

Подрастают малыши, и матери опять в тревоге. В местной школе в одной комнате учительница одновременно ведет четыре класса. Не удивительно, что матери обижаются на слабые знания учеников. А всего учеников-то в четырех классах — тринадцать человек. Может быть, есть смысл на центральной усадьбе открыть школу-интернат? Ведь, наверное, и в других таких же поселках совхоза аналогичные трудности.

Плохо со снабжением. Катушка ниток, кусок мыла, керосин, соль и хлеб — за всем приходится ехать в отделение или на центральную усадьбу. А разве нельзя посылать по деревням и поселкам автолавку? Пусть и это не будет неразрешимой проблемой.

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

Но что настораживает больше всего — в поселке совершенно нет молодежи. Девушки и парни, закончив школу, стремятся уехать куда-нибудь в район или в город, только бы не остаться в этой тишине и темноте.

Знаете ли вы, товарищ Попов, обо всех этих неполадках? Прежде чем так убежденно говорить: «Не верьте им», — сколько раз вы побывали сами в этом поселке?

Надо отдать справедливость руководителям совхоза. Они согласны, что недо-

статки есть, и обещают сделать все возможное, чтобы устранить их.

Редакция и жители Криушанских выселок надеются, что все эти обещания не останутся на словах. И хочется верить, что товарищ Попов тоже будет всячески способствовать этому.

А. АНИСИМОВА

Панниское производственное управление,
Воронежская область.

ЗЕЛЕНЫЙ БОГАТЫРЬ

К нам пришло письмо из далекой Архангельской области. Председатель колхоза «Знамя победы» писал, что 80 процентов всей пашни у них — неплодородные песчаные земли. «Просим, — говорилось в письме, — чтобы вы выделили нам семян кормового люпина». Значит, молва о наших успехах разнеслась широко.

А ведь несколько лет назад мы сами не сеяли люпин, хотя земли у нас в Полесье бедные: песок да болота. С кормами всегда у нас было тяжело, приходилось каждую зиму посылать гондов в дальние края за соломой.

Нынешними успехами мы во многом обязаны невзрачному на вид люпину — высокому зеленому стеблю с желтыми венчиками цветов и плотными, короткими стручками.

Впервые я познакомилась с этой культурой, когда училась в сельскохозяйственном техникуме. Люпин очень заинтересовал меня, и я старалась как можно больше узнать о нем из книг, от преподавателей. Оказалось, что с каждого гектара он дает гораздо больше кормовых единиц, чем овес, лишь немного уступая кукурузе. А переваримого белка содержит даже в четыре раза больше овса. Приехав на работу в колхоз имени Свердлова, я решила как следует изучить достоинства люпина на практике.

Сею люпин в середине апреля обычной сеялкой, только катушку переводим на верхний сев. На каждый гектар расходует 120—140 килограммов сортовых семян.

В условиях Полесья люпин прижился отлично: дает 97 процентов всхожести. Уже в июне поднимается он в рост человека.

Убираем люпин комбайнами «СК-2,6». С каждого гектара в 1962 году мы собрали 280 центнеров зеленой массы и 11,95 центнера семян. Центнер силоса обошелся в 7 копеек. Только от продажи государству семян колхоз выручил 19 500 рублей новыми деньгами.

В люпине все идет в дело. Солому скармливаем овцам и коровам. Стручки-отходы после очистки семян даем лошадям. Корневища, остающиеся в земле, насыщают почву азотом. По люпину высеем озимую рожь. Причем урожай зерновых с гектара увеличивается на 3—4,5 центнера, а картофеля — до 30 центнеров.

О том, какое место занимает люпин в нашем хозяйстве, можно судить по таким фактам. Четыре года назад мы засеяли им три десятка гектаров, а в 1962 году под люпином было занято уже 337 гектаров.

Поголовье крупного рогатого скота мы уже довели до двух с половиной тысяч, свиней — до двух тысяч, выращиваем более тысячи овец, много держим птицы. И в этом росте один из главных «виновников» — люпин. В ближайшие годы мы доведем его посевы до 810 гектаров, то есть отдадим под люпин одну треть всей пашни. Но прежде необходимо обеспечить себя семенами.

Семена люпина требуют постоянного ухода. Их важно хорошо очистить, отсортировать и хранить в сухом помещении небольшим слоем, не забывая при этом каждые две недели перелопачивать. Ведь к моменту уборки люпина на зерно стручки созревают неравномерно. Верхние — темные, сухие. Нижние, под листочками, остаются еще зелеными, сырыми. Отсюда и влажность семян разная.

...Идет весна. Скоро лягут в землю первые семена. И мы уверены, что и в этом году зеленый богатырь — люпин — даст нам богатый урожай.

Галина БАЛИЛАЯ,
агроном колхоза имени Свердлова

Киверцовское производственное управление,
Волынская область.

Два года! Уже два года прошло с того дня, как человек впервые распахнул дверь в бесконечные просторы Вселенной. Кажется, только вчера встречала Москва пионера космоса Юрия Гагарина, и мы впервые увидели улыбку этого смоленского паренька, улыбку, которую знает сегодня вся планета...

А Титов?! Вот он стоит под блестящими объективами десятков репортерских фотоаппаратов, рассказывая о самом необыкновенном дне, который прожил человек Земли, — дне в космосе.

Прошел год, и с газет, открыток, плакатов уже улыбаются нам «небесные близнецы» — Андриян Николаев и Павел Попович. Их многодневный полет поразил весь мир.

«Снова в космосе наши, советские!» — восклицали мы в те дни, твердо уверенные, что еще не раз повторим в будущем эти слова.

Безгранична власть человека над природой. История человечества — это история познания людьми своей большой родины — планеты Земля. Великий русский ученый Константин Эдуардович Циолковский назвал ее «колыбелью разума». И тут же добавил: «Но нельзя вечно жить в колыбели». Мы, советские люди, гордимся тем, что сделали первый шаг к звездам. Гордимся, что построили невиданные в мире космические корабли. Гордимся, что вырастили и воспитали замечательных героев-космонавтов.

Пройдет много лет. Много раз отметим мы этот день — 12 апреля 1961 года — день величайшего подвига советского народа, шагнувшего к звездам. Мы не сомневаемся, что годы эти будут годами новых побед и на Земле и в космосе. Вырастет дружная семья «небесных братьев». Товарищи сегодняшних героев пройдут по крутым отрогам лунных гор, отпечатывая в пыли далеких планет первые следы Земли, проникнут под облака загадочной Венеры, которые скрывают сегодня от глаз телескопов ее материки и океаны. Они укрепят наш красный флаг в песках пустынь Марса и поведут свои корабли дальше и дальше, прокладывая маршруты по звездным картам.

Но какие бы замечательные победы в космосе ни одержали в будущем люди Земли, навеки останутся в их памяти 12 апреля 1961 года — день старта человека в космос.

«НЕБЕСНЫЕ БРАТЬЯ»

Фото А. УСТИНОВА.

Юрий ГАГАРИН,
Павел ПОПОВИЧ,
Герман ТИТОВ
и Андриян НИКОЛАЕВ.

Фото Е. УМНОВА.

В ПЕСКАХ ПРИКАСПИЯ

ВО ПОЛЕ БЕРЕЗОНЬКА...

Она действительно родилась «во поле». Ее привезли в Москву в марте 1948 года калининские колхозницы.

Как ни хорош был в их исполнении хоровод «Березка», как ни бесспорно мастерство постановщика танца Надежды Надеждиной, никто не мог предугадать тогда счастливой судьбы этой незамысловатой пляски.

Не прошло и двух месяцев со дня выступления калининских плясуньи, как эстрадный театр сада «Эрмитаж» попросил Н. С. Надеждину возобновить постановку танца, теперь уже в новом, профессиональном составе.

...Во поле березонька стояла.
Во поле кудрявая стояла...

И поплыли по сцене танцовщицы в платочках, с косами ниже пояса,— то ли женщины с легкими, «березовыми» думами, то ли березки, наделенные человеческой душой.

Любопытно, что зрители сами окрестили новорожденный ансамбль «Березкой», не подозревая даже, что слово это скоро станет известным во многих странах мира.

Все лучшее, что есть в женских народных плясках: милое женское лукавство, легкость шага, плавные движения рук,— было бережно сохранено художественным руководителем ансамбля. Недаром танцы в постановке Н. С. Надеждиной (а «Березка» — лишь один из многих) хочется сравнивать с русскими сказками, народными рукоделиями.

Танец «Лебедушка», например, вызывает в памяти сказочную красавицу, которая лишь взмахнет рукавом — и выпорхнет из него стая лебедей.

«Танец с платком» — это точно ожившая миниатюра, тщательно выписанная мастерами Палеха.

Связь с фольклором налицо. Но постановщики не останавливаются на этом: они разнообразят движения, вводят в пляску даже игровые сценки, как в хороводном танце «Прялица».

Сначала танцовщицы сидят на скамьях и прядут, тихонько напевая. Но вот они встали, двинулись по кругу, разделились, сошлись, вновь расстались, чтобы опять встретиться. И перед вами возникает как бы одушевленная прятка, вы видите, как над ней будто дрожат, натягиваются, пьют нити.

«Березкам» приходится быть «по совместительству» и драматическими, и комическими актрисами, и певицами, обладающими особым даром задушевности. Кто видел заслуженную артистку РСФСР Д. Агафонову в лирической сценке «У колодца», тот не сразу поверит, что в забавной роли «Топотухи» танцует она же. А «русская красавица» А. Рябова, неужели она еще и поэт? Редкое сочетание.

Что бы ни танцевали исполнительницы ансамбля — бурный ли «Казачий танец», юмористическую «Сибирскую кадрили» или величавый «Танец с платком», — они достоверно передают чувства и настроения русской женщины. Переполненность жизнью, внутренний свет, душевную трепетность и чистоту — вот что несет в себе каждый номер обширной программы «Березки».

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Опять это поразительное однообразие. Все смотрится через серую вуаль. Всхолмленная степь, колючки тамариска. Только Каспий зеленеет, как весенний луг, и из него серыми конусами поднимаются отвесные скалы.

Семь лет назад та же завеса серой пыли висела над степью. Так же свирепо палило солнце.

Помнится, я спросил у шофера:

— Сколько сейчас градусов?

— Сто километров до сорока,— ответил он.

— Как это понять?

— Очень просто,— пояснил шофер.— В тени сейчас сорок градусов, но до тени — сто километров...

На огромном пространстве мертв Западный Прикаспий. Даже рыбаки обходят пылающий берег, где не найдешь ни капли пресной воды. Правда, есть реки, отделенные друг от друга сотнями километров. Но и они мало оживляют степь, разве только у своих берегов.

Нет пресной воды. И, казалось, нет силы, способной победить «природу жаждущих степей...».

Так и ехали мы под серой жгучей поволокой примерно с час, пока на краю пустыни не появилась темная полоска. Ветерок донес оттуда влажное дыхание.

Полоска ширилась, охватывая горизонт тяжелой зеленью. И когда машина влетела на вершину песчаного увала, впереди открылась цветущая долина. Ее прорезали серебристые жилки каналов.

— Зона подземного орошения,— сообщил мой спутник, местный агроном.— Артезианские скважины.

С рождением нового оазиса связана любопытная история. После работы в предгорьях Кавказа археологическая экспедиция Евгения Игнатьевича Крупнова и кандидата биологических наук Раисы Васильевны Федоровой остановилась в поселке Терекли-Мехтеб. Вечером завязалась беседа с хозяином дома, старым чабаном Ибрагимом.

— Я тоже был археологом,— сказал хозяин, усаживаясь на любимое место у окна.

В далекие молодые годы, когда Ибрагим пас отару, внезапно выпал снег. Чтобы укрыть ягнят, чабан стал копать землянку на склоне большого кургана. Работа близилась к концу, когда под лопатой звякнуло что-то металлическое.

Клад! Затаив дыхание, чабан извлек тяжелый сосуд. Но, увы, золота не оказалось: внутри лежали ржавые железки. Чабан продолжал копать землю. Неожиданно мелькнуло что-то круглое. Чабан схватил находку и оцепенел. В руках его оказалась... череп.

— Сбежал я с проклятого кургана,— закончил хозяин.— Но несколько железок сохранил. Вот они.

Ибрагим протянул коробку. В ней лежали позеленевшие бронзовые перстни и пряжки со странными рисунками.

Профессор Е. И. Крупнов спросил:

— Где вы нашли их? Место, укажите место!..

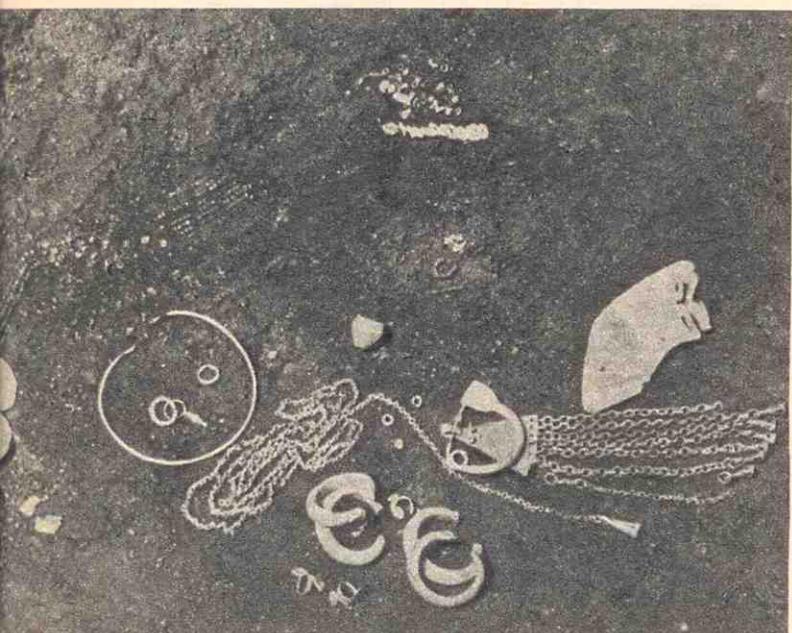
Находка пастуха была куда ценнее золота. Перстни и пряжки оказались «сверстниками» Древнего Рима. Открытие их в Прикаспии могло пролить свет на отдаленнейшее прошлое этого края.

Ибрагим повел археологов в степь, к кургану.

Под слоем песка ученые обнаружили каменную кладку. То были остатки крепостных укреплений. Расчистив их, археологи восстановили облик исчезнувшего поселения.

Оно относилось к первым векам нашей эры. В центре поселка грозно высились крепость. Около крепостных стен располагались мастерские ювелиров, гончаров. Озаренные пламенем горнов, работали кузнецы и оружейники.

Судя по находкам, обитатели поселения общались с древними народами. По дорогам, остатки которых археологи обнаружили в песках, шли торговые караваны из Скифии, Закавказья и Ирана, Византии и Индии. На шумном базаре звучали разные языки. Местные жители меняли кожи, посуду, продукты животноводства на иноземные товары.

Раскапывая курган, археологи обнаружили остатки древнего поселения, где некогда бурлила жизнь. В земле лежали

немые свидетели далекого прошлого — черепки драгоценных ваз, кухонной утвари, украшения, которые женщины

надевали по праздникам. Здесь же нашли остатки растений, подсказавшие, что поблизости есть вода.

Кандидат биологических наук Раиса Васильевна Федорова не могла оторваться от микроскопа. Пробы земли, взятой из раскопок, рассказывали об удивительных вещах.

Вот почва из древней стоянки близ Бажигана. В ней сохранилась сосновая пыльца. Значит, несколько тысяч лет назад в пустыне шумели хвойные леса. В земле сохранилась также пыльца бука, граба и других широколиственных влаголюбивых пород. В сосудах встречались остатки культурных злаков.

Щедр был погибший под песками край. Среди лесов и дубрав струились полноводные реки. Жители занимались земледелием, животноводством.

Но на рубеже XIII—XIV веков следы растительности исчезают. Какое же зло погубило цветущий край? Перед мысленным взором Федоровой рисовались суровые картины.

XIII век... Степь гудит под копытами конных лавин. Бегут трудолюбивые обитатели края. И вот уже на месте их сожженного поселка раскинулся лагерь монголов Чингисхана. Кочевники привели с собой бесчисленные отары овец, острые копыта которых сорвали травяной покров. Леса вырубались. И лишенная зеленой защиты земля стала жертвой эрозии — размыва и выветривания. Мелели, уходили в почву реки. Начали бушевать губительные черные бури. Плодородный край стал пустыней.

Но там, где существовала жизнь, она может быть восстановлена. Под жгучим покрывалом барханов сохранились «солнечные клады» — законсервированные остатки древней растительности. Они указывали на наличие пригодных для земледелия почв, на близость водоносных горизонтов. С помощью подобных же остатков растений Раиса Васильевна и в Поволжье, Голодной степи находила участки, которые могли вновь стать плодородными.

Опыт подсказывал: «солнечные клады» помогут преобразовать и пески Прикаспия. Отныне экспедиция искала не только остатки древних культур, но и древнюю растительность. Раиса Васильевна составляла ее карту.

Однажды поисковую группу Федоровой настигла черная буря. Померкло солнце. Потоки песка и мельчайших частиц земли, дыша страшным зноем, мчались со скоростью экспресса.

Лишь к вечеру кончилась борьба со стихией. И первое, что увидела на рассвете Раиса Васильевна, был крошечный лепесток. Он пробивался у основания холма, скрывавшего остатки бывшего поселка.

Вода! Геологи не могли найти ее в этом районе пустыни. А тут лепесток, зеленая росинка, указывал на ее близость. Да и пыльца влаголюбивых растений, которую обнаружили в почве, тоже подсказывала: здесь есть вода.

Люди вырыли колодец. Действительно, под песком оказалась вода. При исследовании окрестностей было обнаружено русло высохшей реки.

Говорят, что существуют отвлеченные науки, вроде археологии. Несправедливое мнение! В этом я еще раз убедился, проезжая оазис Терекли-Мехтеб.

У высокого холма мой спутник-агроном остановил машину. — Здесь работала Раиса, — сказал он, переименовав имя разведчицы «солнечных кладов». — «Раиса» — по-нашему «хозяйин», — пояснил он. — Хозяин воды. Самое почетное звание...

Добрую память оставила Федорова у колхозников Терекли-Мехтеба. По ее пути прошли разведчики подземных вод — гидрогеологи. Карта древней растительности, составленная Раисой Васильевной, служила им ценным пособием. Там, где таились «солнечные клады», контрольное бурение быстро привело к воде. В этих же районах почвоведы нашли пригодную для обработки землю.

Разведка закончилась. В битву с песками вступили ирригаторы. Скважины ввинтились в земную толщу, туда, где ворчали в своих каменных хорах ушедшие с поверхности реки. Среди песков забили прохладные родники.

Артезианские скважины дают воду преимущественно для животноводства. Но как быть с изнашиваемой от жажды землей?

Она тоже получит воду, но из другого источника — текущей по поверхности реки. Техника, подвластная человеку, преобразует пустыни Прикаспия. В Ставропольском крае у пустыни уже отведено более 30 тысяч гектаров. Строительство каналов развернулось также и поближе к Каспию — в Ногайской степи.

200 тысяч гектаров покроются в ближайшие годы полями, садами, виноградниками.

Ю. ГУРЬЕВ

ВАШИ ДРУЗЬЯ — КНИЖНИКИ

Свидетельство статистики

Нет в мире страны, которая была бы столь же славна своей любовью к книге, знаниям. Родина каждой четвертой книги — наша страна. Только в 1962 году у нас было издано 76 миллионов 700 тысяч книг общим тиражом 1 миллиард 200 миллионов экземпляров.

Произведения художественной литературы, пользующиеся особенно массовым спросом, за годы Советской власти напечатаны поистине в астрономических количествах. Книги Л. Толстого переиздавались 1 900 раз, и общий тираж их ныне составляет 105 миллионов экземпляров; А. С. Пушкина — более 2 тысяч раз. 98 миллионов экземпляров сочинений великого русского поэта к услугам любителей поэзии. Не менее популярны произведения А. П. Чехова. И они уже переизданы 1 270 раз. Более 50 миллионов экземпляров заняли свое место на полках личных и общественных библиотек.

Произведения выдающихся советских писателей также имеют многомиллионного читателя. У нас издано 99 миллионов экземпляров книг М. Горького, 55 миллионов экземпляров — А. Толстого, 44 миллиона экземпляров — В. Маяковского, 37 — М. Шолохова.

В Советском Союзе насчитывается около 400 тысяч библиотек, в которых хранится 2 миллиарда экземпляров книг и журналов.

Книги почти так же стары, как мир. Древние египтяне писали их на папирусах — тонких тростниковых пластинках. Древние греки на пергаменте — искусно обработанной коже козленка. Позже китайцы познакомили мир с новым писчим материалом — бумагой.

Но прошла еще длинная вереница лет, а книги по-прежнему переписывались от руки. Месяцами, а то и годами сидели переписчики над одной-единственной книгой, тщательно выводя одну букву за другой, украшая страницы заставками, рисунками. В нарядных одеждах из сафьяна, они были редки и дороги, эти роскошные произведения искусства.

В середине XV века в Германии Иоганн Гутенберг стал размножать книги типографским способом. В истории культуры каждого народа такое событие трудно переоценить. Как же огромно оно было для нас, русских, известных ныне миру как завзятые книжники!

Запомните эту дату: 1563 год. В этом давнем для нас году возникла первая русская типография. А вскоре увидела свет и первая датированная русская печатная книга.

Иван Федоров, человек с золотыми руками и светлой головой, не просто перенял уже знакомый способ печатания книг, он внес в него много собственной выдумки.

Кольбелью русской печатной книги стала Москва. Если вы будете в столице, да если еще к тому же вы и книголюб, непременно разыщите памятник Ивану Федорову работы скульптора С. Н. Волнухина. Он стоит на проспекте имени Карла Маркса, в самом центре столицы. Посмотрите и здание «Печатного двора». Это здание сохранилось и находится на улице 25-го Октября, неподалеку от памятника. Конечно, оно выглядит не так, как четыреста лет назад, во времена Федорова. «Печатный двор» и горел и ветшал, его не раз восстанавливали и расширяли. Но и поныне это старинное причудливое здание служит народу: в нем находится Государственный историко-архивный институт.

Появление печатной книги в царствование Ивана Грозного объясняется не только тем, что царь, как писал его современник, «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело», но и ярко выраженной общественной потребностью в ней.

Иван Грозный хорошо понимал, что книга не только носительница мудрости, но еще и оружие. Именно ей в укреплении русского государства предназначалась выдающаяся роль: она должна была ратовать за единство и нерушимость Руси, когда некоторые князья и бояре еще тянули ее назад, к раздробленности.

Книгопечатание дало огромный толчок развитию общественной и культурной жизни. И сколько же книг было издано с той поры! Любой из нас теперь вряд ли может представить свою жизнь без книг. Благодаря им все, что в свое время потрясло умы и сердца, не исчезает бесследно. Духовное богатство, накопленное одним поколением, передается следующему. И в этой преемственности величайшее благо: человек с самого раннего детства вводится во владение такими сокровищами, как знание и обобщенный жизненный опыт человечества.

...Каждый, кто хочет быть духовно сильным и широкообразованным человеком, в самые верные друзья должен выбрать книгу. Полюбите книгу! В этой любви еще никто и никогда не терпел поражений.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Чтение — вот лучшее учение.

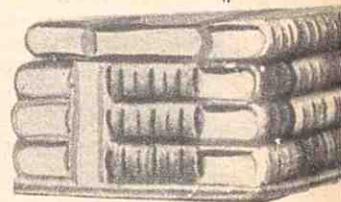
А. С. ПУШКИН

Книги собирают жемчужины человеческой мысли и передают их потомству. Мы обратимся в горсть праха, но книги, словно памятники из железа и камня, сохраняются навек.

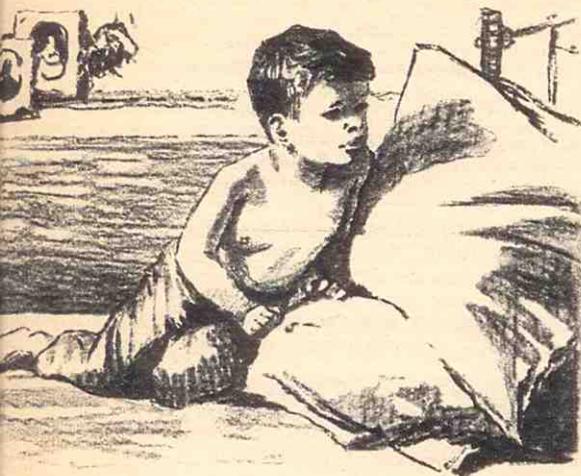
АЙБЕК

Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути к счастью и могуществу будущего.

М. ГОРЬКИЙ

БАТИНА

ПОРОДА

Вовка сидит за старой баней в густых зарослях конопли и крапивы. Он только что до хрипоты наорался. Но никому нет дела, что вот сидит человек в бурьяне один-одинешенек и ничего ему на свете не мило.

Злющая крапива искусила Вовке ноги, в волосы на самой макушке вцепился большущий репей, и даже добрая пахучая конопля больно царапнула его между голых лопаток шершавым стеблем.

Почесываясь и тихонько подвывая от горькой жалости к самому себе, Вовка напряженно вглядывается сквозь стебли конопли в синеватый на краю заречной луговины перелесок.

Единственный человек, который ему сейчас совершенно необходим, — это отец. По Вовкиным расчетам, на папки комбайн уже взгромоздился сменщик деда Яша, а сам папка катит с поля домой на новеньком велосипеде.

Вот сейчас вывернется он из-за перелеска на луговину, спрыгнет с машины, и удивится, и встревожится, что не встречает его Вовка на обычном месте, под старой березой.

При мысли, что не придется ему сегодня, на зависть всем, промчаться вдоль деревни с папкой, Вовка снова поднимает рев, но тут же торопливо размазывает по щекам соленые слезы.

Встречать отца слезами нельзя. Мужикам плакать не положено, это Вовка усвоил. Только заплачь при отце — сам же и окажешься во всем виноватым да еще наслушаешься всяческих неприятных слов:

— Баба! Няня! Слюнтяй! — Лицо у папки станет злое-презлое. — Простокваша, — скажет, — кислая, пошел от меня к...

Совсем другое дело, если, подкатив к огородам, встревоженный отец наткнется на него случайно. Зареванный, исцарапанный, весь в репьях —

полюбуйся, отец, до чего довели твоего несчастного сына! И пусть тогда бабка и мать попробуют сунуться к отцу со своими жалобами и наговорами!..

Вообще день сегодня не задался с самого утра. Во-первых, утром Вовку разбудила своим криком сестренка, пятимесячная Нюська. Вовка проснулся в отвратительном настроении и еще в постели начал «выламывать-ся». Заявил, что сегодня ни за что не пойдет в детсад, потом задрал ноги выше головы, напялил на ступни старые трусишки и стал тянуть их в разные стороны.

Трусишки в конце концов лопнули, потому что уже на ладан дышали. Новые трусы бабка не дала, швырнула на кровать старые штаны с ляжкой, которые Вовка носил еще зимой, когда был маленький.

Потом бабка понесла Нюську в ясли, а Вовка, вооружившись тупым кухонным ножом, стал отпиливать от штанов ляжку. Без ляжки штаны поминутно сползали с голого живота, и их все время приходилось поддерживать рукой.

По столу среди немытой посуды суетливо ползали мухи. Придерживая одной рукой штаны, Вовка взял в другую сырое полотенце и стал хлестать ненавистных мух.

Сначала со стола грохнулись два блюдечка, потом кринка с молоком.

В этот момент вернулась бабка и Вовкиной же ляжкой отхлестала его по голым местам. Было почти не больно, но очень обидно. Вывернувшись наконец из бабкиных рук, Вовка с порога обругал ее самыми нехорошими словами, какие только успели прийти на память.

А в сенях его перехватила мать. Она только что вернулась с утренней дойки и, разуваясь на крыльце, услышала все, что ей-то как раз и не следовало слышать. К любому Вовкиному озорству мать относилась очень миролюбиво, но почему-то из себя выходила, когда Вовка говорил нехорошие слова. И тут она, плача и ругаясь, схватила его за ухо, а ему назло захотелось выкрикивать благим матом именно эти слова.

Бабы — бабы и эсть. Вот папка, небось, не заплачет и не начнет туркать Вовку, когда он при нем скажет какое-нибудь там слово. Немного успокоившись, мать села за стол и больше не смотрела в Вовкину сторону.

Пока бабка докладывала ей о Вовкиных прегрешениях, он сидел в углу кровати, загоревшись на всякий случай подушками.

— Принесла сейчас Нюську в ясли, — всхлипывая и сморкаясь в подол, рассказывала бабка, — Нина Васильевна и говорит: «Конечно, Илья Андреич — знатный комбайнер, его фото в газетах печатают, но очень даже стыдно, что у него сын таким хулиганом расстет. И я, — говорит, — в контору заявлю, что ваш Вова нам всех детей портит. Приходит в садик, когда захочет, уходит не спросясь, старшим грубит и по-всякому выражается...»

Бабка, кряхтя, опустила на колени и стала собирать в подол посудные черепки.

— Иду назад, от стыдобушки меня прямо всю качает, а тут Варвара навстречу: «До чего вы своего Вовку распустили! Уж на что наш Яков его любит, и то вчера не стерпел, прогнал из кухни. Привез с поля какую-то часть заваривать. Вовка пристал к нему: «Возьми да возьми меня, деда Яша, в поле, к папке». Яков на него построжился. «Опять, — говорит, — ты, варнак, из детсада убеги?» А он отбежал к пряслу да на Якова-то Иванныча матом...

— Что же, убить мне его теперь, что ли? — тихо спросила мать.

У Вовки даже холодок по спине пробежал. Подумать только: сидят, сговариваются, убивать им Вовку или не убивать!

— А что с ребенка спрашивать, если он во всем отцу подражает? — Бабка с грохотом высыпала черепки в лохань. — Ты с Илюхой поговори, он научил, пусть он и отучает. Ты мать, ты за ребенка не меньше его в ответе.

— Ты тоже мать. Не я Илью воспитывала, а ты...

Бабку словно кто ударил. Она сторбилась и прижала к губам маленькую сухую ладошку.

— Грех тебе, Мария, грех!.. Как у тебя только язык повернулся!.. Я от него, пока в парнях ходил, слова грубого не слышала, все люди скажут, — всхлипывая, бормотала бабка.

— Значит, моя вина, что он такой стал?.. — закричала мать.

Тут они обе заплакали в голос, смотреть на них стало совсем невозможно. Вовка тихонько сполз с кровати, прихватил штаны и, толкнув дверь, вывалился в сени.

Правильно папка говорит: ну их, этих баб, подальше! С ними только свяжись!

Идти встречать отца было еще рано, купаться одному неинтересно. Вовка посидел в огороде, съел пару огурцов, пощипал незрелого, пресного гороха. Есть захотелось еще сильнее, и он решил сходить в детский сад пообедать.

На его счастье, Нины Васильевны на месте не оказалось. Тетя Сима, поверчавши сколько положено, пустила Вовку к ребятам за стол. Вовка чинно помыл руки. Съев тарелку щей, вежливо попросил добавки. После киселя он окончательно подобрел и даже намеревался, как здесь было заведено, поспать после обеда.

Но тут к нему прицепилась счетоводова Люшка, ни за что ни про что обозвала «филюганом». Стукнул ее Вовка всего один раз, а визг поднялся такой, словно с нее кожу снимали.

Пришлось быстренько уносить ноги.

За ворота выскочила тетя Сима, начала вдогонку срамить Вовку на всю деревню.

На бегу Вовка успел ответить ей всего двумя подходящими словами, но тут из-за угла вывернулась мать. Ухватив за руку, волокла она Вовку, подгоняя шлепками, до самого двора.

Это его-то, единственного сына знатного комбайнера Ильи Андреевича Казанцева!

А Илья Казанцев в это время еще только выводил свой велосипед от полевого стана на проселок.

Смутное лицо его жарко горело. И без того сердитые брови жестко сошлись над хрящеватым переносием.

Как с ним говорили! Его, Илью Андреевича Казанцева, отчитывали на собрании, как нашкодившего мальчишку! Принадородно копались в его семейных делах. Ну, хорошо, пусть бы его «моральным обликом» вдруг заинтересовалось совхозное или даже районное начальство, а то ведь свои... Подумать только! Друг закадычный со школьных лет Петро Сахаров; дядя Яша, родной брат покойного бати...

День сегодня был не совсем обычный. К пересмене на стан прибыло совхозное начальство вручать победителям в соревновании — Дубровинскому механизированному отряду — переходящее Красное знамя.

Сначала все шло как обычно. Корреспондент районной газеты фотографировал отряд у развернутого знамени, потом отдельно Илью на фоне его комбайна.

Илья привычно стал перед объективом, свободно-небрежно прислонившись к стенке комбайна. На сухом лице, в черных, слегка прищуренных глазах — чуть уловимая снисходительная усмешка.

На собрании Илью, как всегда, многословно хвалили. А потом, уже перед самым концом собрания, с земли поднялась Надежда Михайловна, заведующая сельским клубом, и ни с того ни с сего начала хаять отряд. За приверженность к сквернословию, за то, что с женами кое-кто обращается, видите ли, не так, как положено... Обязательство подписывали учиться жить по-коммунистически, а это значит прежде всего, что отцы должны быть примером для детей. А что получается на деле? И при этом она тыкала пальцем не в кого-нибудь, а именно в Илью Казанцева.

Когда она выложила все, что хотела, нежданно-негаданно в ту же дудку запел дядя Яша.

По его словам, выходило, что Вовку Казанцева не зря в деревне называют хулиганом и варначонком. И вина в том только отца. Не в меру зазнался, а мальчишка во всем пример с него берет.

Петруха Сахаров хмуро и словоно бы нехотя тоже поддакнул: с Ильей, мол, действительно неладно.

После собрания начальство сразу уехало, но никто из механизаторов с земли не поднялся, получилось, что собрание как-то само собой продолжилось, только уже без начальства, чего раньше никогда не бывало.

И разговор пошел уже совсем напрямую...

Яростно нажимая на педали, Илья мчался к деревне. Как они с ним говорили!

— Мать тебя в сиротстве на ноги поднимала, а ты гавкаешь на нее не хуже Афонинного Полкана. Марию твою вся деревня уважает, бабе цены нет, а ты ее ни в грош не ставишь...

— Вовка во всем с тебя копию сымает. Ты при нем жене сгрубил — он на нее матюгом, ты на бабу за-

ривал — он на нее кулаком замахиывается.

— Расскажи, Яков Иванович, бате, как его сынок тебя у кузни в три этажа матом благословил.

Илья даже зубами скрипнул от стыда. Велосипед резко мотнуло в сторону.

А тут еще поднес черт повариху Анну Михеевну. Молча, поджав губы, сидела она на телеге, привалившись широким плечом к фляге с водой. Молчала, выжидала свое время.

— Чего далеко-то ходить! Его и сегодня из садика прогнали. Я за водой ездила, своими глазами видела. Выскочил из калитки словно бешеный. Штаны веревкой подвязаны, брюхо голое. Тетя Сима за ним, он облаял ее, как хотел, и бежать.

На обычном месте, под старой березой, Вовки не оказалось. Илья на первой скорости промчался луговойной, с ходу проскочил через дырявый мосток за огородами.

Вовка, скорчившись, недвижимо сидел на бережку, у самой воды. Даже от комаров не отмахивался. Пусть едят, чего уж теперь!..

Спрыгнув на землю, отец рывком перебросил велосипед через прясло в огород и, не взглянув на Вовку, бросил через плечо:

— А ну, марш домой! — И зашагал, не оглядываясь, по тропинке к дому. Вовка, поддерживая штаны, послушно затрусил за ним.

Мать кормила Нюську грудью. Они только что пришли из бани. Нюська, толстая, румяная, отвалившись от груди, дрыгала розовыми ножками и лопотала что-то радостное.

Бабка возилась у печи. Оглянувшись на мужиков, она настороженно замерла с ухватом в руках.

Илья сел у стола, молча подтянул Вовку за голое плечо.

— Ну рассказывай: что ты сегодня в садике вытворял? — спросил он негромко и вроде бы несердито.

Вовка засопел, надув и без того толстые губы.

— Подбери губы и не сопи. Отвечай, когда тебя спрашивают. Тебе кто право давал матери и бабке грубить? Как ты осмелился на деда Якова повсякому выражаться? Молчишь?!

Тяжела мужская рука, когда она уже не повинует рассудку.

Вовку швырнуло к печке и ткнуло носом в приступок. На какое-то мгновение он ослеп и оглох: от крови ли, обильно брызнувшей из разбитого

носа, или от боли и страха. А может быть, его оглушила немислимость того, что произошло.

Еще минуту назад он не знал, что отец способен его ударить. Он не слышал, как закатилась плачем брошенная на кровать Нюська, как закричала мать.

Заслонив его собой, она встала перед отцом. Маленькая, бледная, разъяренная. А потом бросилась к двери за Вовкой и, обернувшись с порога, сказала тихо и ненавистно, глядя в посеревшее лицо отца:

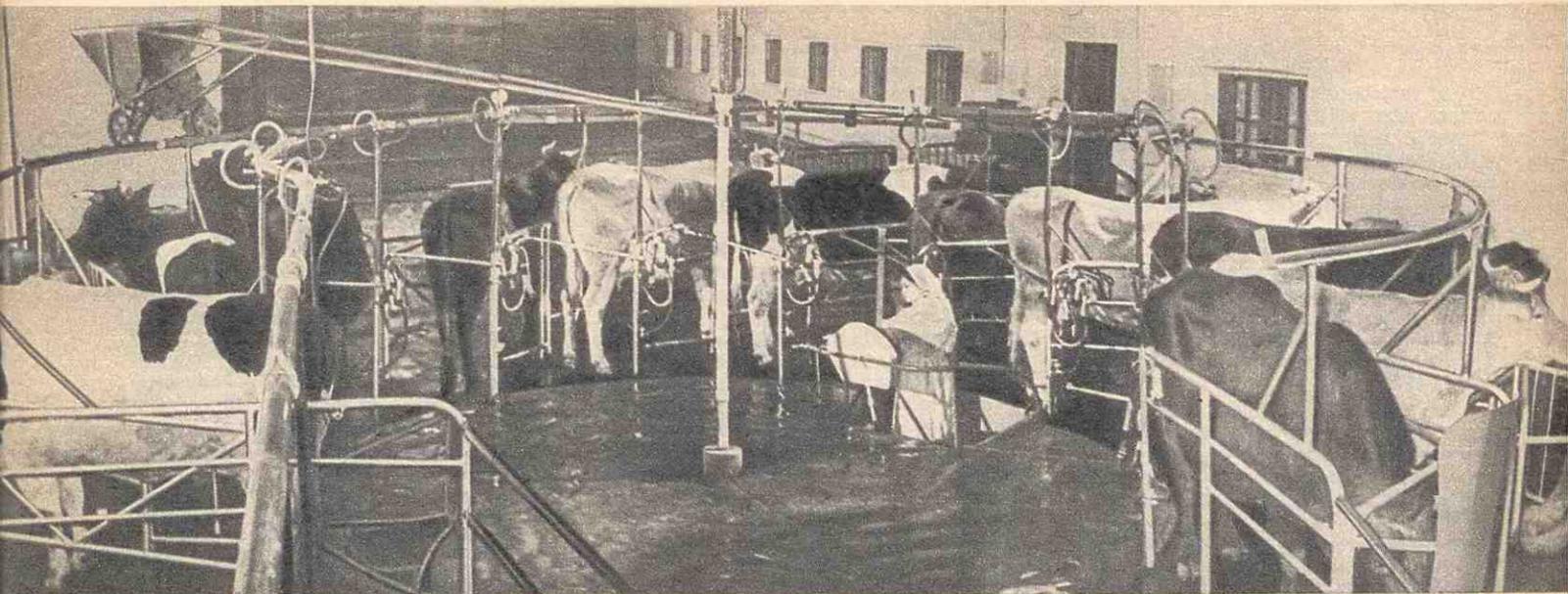
— Эх ты!.. Он же на тебя, вон как маманя на икону, молился!

Илья сидел у стола, устало ссутулившись, тупо уставившись глазами в пол. Ярость схлынула. Медленно, тяжело наваливалось на него сознание большой, может быть, уже неправимой беды.

М. ХАЛФИНА

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

НОВАЯ ДОИЛЬНАЯ УСТАНОВКА — «ВЕЕР»

Вслед за «елочкой» на фермах появилась «карусель», а теперь уже есть и «веер» — полуавтоматическая доильная установка, за час пропускающая 80—100 коров. Вот как выглядит «веер», сконструированный инженерами Джанашарского совхоза, Казахской ССР, Н. Ратушем и А. Выдриным.

К коровнику пристроен полукруглый доильный зал; вровень с полом установлена площадка, которую электромотор поворачивает в любую сторону. На этом поворотном круге есть кабина с пультом управления. На нем размещены кнопки, приводящие в действие те или иные механизмы. Рядом с поворотным кругом в форме веера расположены 12 станков, к которым подведена доильная аппаратура. Сверху находится кормораздатчик — дозатор.

В соседних помещениях, машинном и моечном, установлены вакуум-насосы, калорифер, молоко-сборник, водонагреватель, парообразователь, ванна для мойки доильной аппаратуры. В кормовом цехе — дробилка, бункер и механизм, подающий концентраты в кормораздатчик.

Дойка происходит так. Доярка входит в кабину поворотного круга и нажимает одну из кнопок.

Открываются двери зала. Животные направляются к станкам. Здесь они получают концентраты, которые автоматически высыплются из кормораздатчика — дозатора.

Животным дают не одинаковое количество концентратов. Если доярка нажимает соответствующую кнопку один раз, в кормушку высыпается 300 граммов. Два раза — 600 граммов и так далее.

Теплой водой из шланга доярка подмывает вымя, насухо его вытирает, надевает на соски доильные стаканы. Начинает поступать молоко — на пульте загорается сигнальная лампочка.

Пока идет дойка одной коровы, доярка на поворотном круге подъезжает к соседнему станку, где производит те же операции. Затем к третьему, четвертому станку и так далее.

Одновременно доятся двенадцать коров. Горят столько же сигнальных лампочек. Но вот одна из лампочек начинает мигать, показывая, что дойка подходит к концу. Потом лампочка гаснет — дойка закончена. Доярка подъезжает к стойлу, выключает аппаратуру, снимает доильные стаканы.

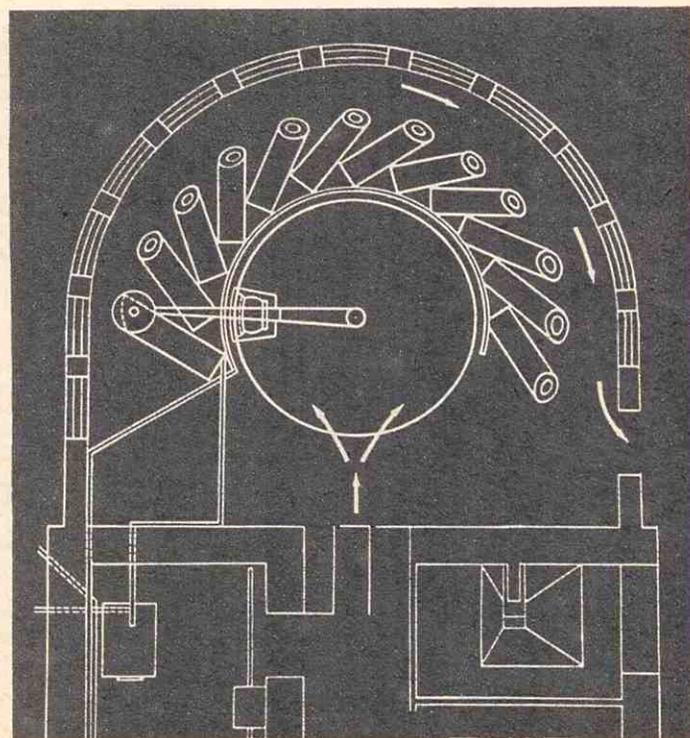
Эта установка заменила 14 доярок. Себестоимость центнера молока значительно снизилась. В отличие от обычных установок здесь автоматизирован ряд процессов: раздача кормов, контроль за доением, подогрев воды и другие. Вся установка занимает 117 квадратных метров.

Совхоз намечает сконструировать еще одну установку, рассчитанную на одновременную дойку 24 коров.

«Веер» демонстрируется на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

М. ПАВЛОВ

Фото Г. БОРИСОВА.

План доильной установки.

КОГДА НАРУШЕН ОБМЕН ВЕЩЕСТВ...

Нарушение обмена веществ — довольно частое заболевание детей раннего возраста. При этой болезни, которая называется экссудативным диатезом, кожа и слизистые оболочки ребенка отличаются, как говорят врачи, повышенной чувствительностью.

На теле малыша появляются красные пятна, напоминающие ожог крапивы. Иногда эти пятна мокнут, зудят. Кожа, пораженная подобными воспалительными очагами, не может стойко, как здоровая, отражать натиск микробов. И если ее не лечить, то появляются гнойнички.

Повышенная реактивность слизистой оболочки приводит к тому, что ребенок постоянно страдает насморком, глаза его воспалены.

Экссудативный диатез продолжается долго, и болезнь протекает неравномерно: то затихает, то усиливается.

Обмен веществ нередко нарушается у ребенка, ослабленного инфекционными заболеваниями. Иногда же такое нарушение происходит из-за неправильного воспитания, из-за высокой нервной возбудимости ребенка.

Наконец, третья причина заболевания экссудативным диатезом — неправильное питание, когда ребенок получает не то, что требуется его организму. Причем это может произойти даже в первые месяцы жизни, когда питание ограничивается грудным молоком. Виновата мать, нарушающая режим питания.

Из всех этих причин наиболее распространена последняя — нарушение питания ребенка. Приведу пример из собственной практики.

Мне принесли годовалого ребенка с красными зудящими пятнами на лице и за ушами и мокнущими участками кожи на обеих ногах. Подробно расспросив мать, я выяснила причину заболевания. Оказывается, малыша неправильно кормили с первых месяцев его жизни. Когда мать уходила из дому, бабушка давала ему цельное молоко. С двух месяцев ребенок получал манную кашу на молоке, а с полугода — ежедневно по яйцу. Таким образом, ребенок в избыточном количестве потреблял белки и углеводы. Все это и вызвало нарушение обмена веществ.

Как вылечить малыша?

Прежде всего необходимо наладить правильное питание. Годовалый ребенок должен получать в день пять кормлений. Диету назначают в зависимости от возраста ребенка и особенностей его организма.

Питание больного ребенка должно состоять в основном из овощей и картофеля.

Если ребенок излишне упитан, его нельзя перекармливать, так как это приведет к обострению заболевания. Такой ребенок нуждается в разгрузочной диете. Если же ребенок отстанет в весе от нормы, то можно несколько увеличить количество пищи. Грудные дети страдают экссудативным диатезом и в том случае, если в молоке матери недостаточно витаминов комплекса В. Таким детям с четырех месяцев два кормления грудью заменяют докормом — манной кашей на овощном отваре или кислом пахтанье, которые содержат витамины комплек-

са В. Девятимесячных детей можно снять от груди.

Когда на теле ребенка появляется яркая зудящая сыпь, напоминающая экзему, старайтесь подметить, после каких продуктов питания происходит ухудшение. Чаще всего это бывает после того, как ребенок съест яичный белок, жареное мясо, мед, землянику.

Мясо полезно лишь в вареном виде — нежирная курица, говядина. То же самое можно сказать и о рыбе. Нельзя давать ребенку колбасу, крепкий бульон. Щавель и шпинат — только в небольшом количестве. Следует ограничить мучнистые блюда: макароны, блинчики, белый хлеб, — так как они способствуют повышению веса. Каши лучше заменить овощными блюдами из капусты, моркови, брюквы.

Больной ребенок нуждается в правильном режиме, в прогулках на свежем воздухе, дневном сне на улице, воздушных ваннах, купании. Все это успокаивает нервную систему, в результате чего улучшается обмен веществ.

Особенно важно больного ребенка ежедневно купать, после чего протирать складки кожи ваткой, смоченной проки-

пяченным подсолнечным маслом, в котором содержится витамин А. Если на голове имеются корочки, то их предварительно, до ванны, смазывают этим же маслом, а во время купания счесывают гребнем, но так, чтобы не повредить кожи. Хорошо помогают ванны с настоем череды. Для одной ванны настаиваются 2 столовых ложки сухой травы.

Наряду со всем этим необходимо смазывать больные участки кожи лекарствами, содержащими тальк и окись цинка.

Полезно ежедневно применять витамин А (по три капли в масляном растворе), драже с поливитаминами. При упорных формах экссудативного диатеза успешно применяются гормональные препараты, приготовленные из продуктов желез внутренней секреции. Обмен веществ улучшают также глюконат кальция, димедрол. Хорошее действие оказывает преднизолоновая мазь. Все эти средства нельзя рекомендовать заочно: их прописывает лечащий врач или фельдшер. Лечение экссудативного диатеза требует терпения.

И. ЕЛИЗАРОВА,
кандидат медицинских наук

ЛЕКАРСТВО ИЗ УЛЬЯ

Выдающийся полководец древнего мира Александр Македонский умер во время похода в Индию. Тело его положили в бочку с медом, привезли в родную ему Грецию, где и похоронили.

О том, что мед препятствует гниению, известно давно. Несколько тысяч лет назад египтяне положили в сосуд с медом умершего ребенка, и в таком виде труп сохранился до наших дней. Египтяне же покрывали тонким слоем меда раны для их обеззараживания. И в древней Руси с успехом применяли мед в лечебных целях. По сей день он является излюбленным средством народной медицины при простуде. Его пьют с горячим молоком или чаем.

Чем объясняется лечебное действие меда?

Он состоит почти из шестидесяти различных веществ, причем многие из них имеют не только пищевое значение, но обладают и лечебными свойствами, как, например, глюкоза. Мед полезен людям, здоровье которых ослаблено из-за перенесенных тяжелых заболеваний, а также при поражениях сердечно-сосудистой и нервной систем, печени, дыхательных путей. Больным можно давать до двухсот граммов меда в день, но не за один прием, а за три, перед едой. Иначе он причинит вред. Противопоказан он лицам, предрасположенным к полноте, страдающим сахарной болезнью или повышенной к меду чувствительностью.

Издавна народная медицина применяет для лечения пчелиный яд.

Во многих лечебных учреждениях Москвы и других городов врачи лечат пчелиным ядом больных суставным ревматизмом, эндартериитом, тромбофлебитом, радикулитом, тиреотоксикозом, бронхиальной астмой, гипертонической болезнью и другими заболеваниями. Пчелиный яд уменьшает, а порой совершенно снимает боли, улучшает обмен веществ, снижает давление крови, количество в ней холестерина. Он же повышает защитные силы организма, работоспособность. Применяют его в виде препаратов или же непосредственно: сажают на больного пчелу, и она жалит его.

Лечебным свойством обладает также маточное молочко. Его вырабатывают рабочие пчелы, кормят им личинки, из которых развиваются матки.

Исследования показывают, что маточное молочко улучшает обмен веществ, сердечную деятельность, пищеварение, повышает сопротивляемость организма к заболеваниям. Особенно хорошо оно действует на больных, перенесших инфаркт миокарда, страдающих стенокардией. У людей уменьшаются, а порою прекращаются сердечные спазмы.

Фармацевтические предприятия начали выпускать препарат, содержащий маточное молочко, — апилак.

Нет таких лекарств, которые бы одинаково действовали на больных. Это же можно сказать о пчелином меде, яде и маточном молочке. Одним помогают, другим нет, третьим вообще противопоказано. Поэтому пользоваться ими надо с большой осторожностью и не слушать досужих советов. Лишь врач, всесторонне обследовав больного, сможет назначить правильное лечение.

Л. ЯРИНА,
врач

УНИЧТОЖАЙТЕ ВРЕДНЫХ НАСЕКОМЫХ!

Если в доме завелись клопы, тараканы, мухи, блохи, муравьи, это никуда не годится. И с ними нужно повести решительную борьбу.

Самыми распространенными препаратами для уничтожения насекомых являются ДДТ и гексахлоран. Первый не очень силен по действенности, зато сохраняет активность в течение года. Второй более действен, но с меньшим сроком активности.

Получил распространение и дезинсекталь — светлая жидкость, которая готовится из ДДТ и очищенного керосина.

В ходу и другие, более простые, «домашние», средства борьбы с насекомыми.

КЛОПЫ необычайно живучи, они могут обходиться без пищи по 18 месяцев. Не страшны им даже морозы. Температуру минус 17 градусов они выдерживают около суток.

Гнездятся клопы всюду, особенно в щелях стен и потолка, печах, мебели, книгах и т. д.

Препараты в виде порошка наносят на обрабатываемые поверхности тонким слоем. Хорошо для этого воспользоваться марлевым мешочком, припудривая из него зараженные участки. Жидкости наносят с помощью кисти или пульверизатора.

Для борьбы с клопами можно с успехом применять керосин, скипидар, уксусную или карболовую кислоту как в отдельности, так и в смеси друг с другом. Хорошее действие оказывает смесь из 4 частей зеленого или хозяйственного мыла и 6 частей керосина. Для этого мыло растворяют в небольшом количестве воды, в полученный раствор вливают керосин и тщательно перемешивают. Другая смесь: 12 частей скипидара, 6 частей керосина, 3 части денатурированного спирта и 1 часть нафталина.

Обработку помещения лучше всего провести в та-

кой последовательности: стены, потолки, плинтусы, затем настенные украшения и, наконец, всю остальную утварь и мебель. Дней через десять нужно осмотреть обработанные места и, если насекомые уцелели, повторить процедуру.

Рот и нос перед обработкой рекомендуется закрыть маской. Она изготавливается так: сшиваются с трех сторон два-три слоя марли или бинта, а между ними кладут тонкий слой смоченной в воде ваты. Пришитые к марле тесемки помогают закрепить маску на лице.

Перед обработкой необходимо вынести из помещения все продукты, цветы, увести детей. Форточки, а летом окна нужно открыть. После обработки вымойтесь сами и вычистите или выстирайте одежду, в которой производилась дезинфекция. В обработанных комнатах плотно закройте окна и двери и покиньте их на день-два. После этого снова проветрите и уберите их.

БЛОХИ заводятся преимущественно в тех домах, где плохо следят за чистотой, или там, где в помещении содержатся кошки, собаки. Блох легко уничтожить, тщательно убирая дом, каждую неделю мою полы горячей водой, добавив на ведро четыре столовых ложки керосина. Окраска полов масляной краской также предупреждает размножение блох.

Для уничтожения блох применяют ДДТ, гексахлоран и пиретрум, тщательно обрабатывая ими полы и плинтусы, подстилки, на которых спят животные. Можно приготовить керосиновую эмульсию. Керосин нагре-

вают, опустив сосуд с ним в посуду с горячей водой. В литр подогретого керосина тонкой струей вливают предварительно растворенные в стакане воды полкуса мыла. Тщательно перемешав смесь, получают эмульсию. Перед употреблением ее смешивают с водой из расчета: 1 часть эмульсии на 10—15 частей воды. Этим составом опрыскивают зараженные блохами места.

ТАРАКАНЫ черные и рыжие очень вредны. Они распространяют заразу, поедают продукты. Тараканы могут голодать до 30—40 дней, но не переносят холода: при температуре ниже 5 градусов они быстро гибнут. Чтобы вывести тараканов, нужно прежде всего все продукты и воду хранить в закрытой посуде, а кухню и дом держать в чистоте.

Истребление тараканов можно начать с того, что, убрав из помещения продукты и воду, опылить пол, плинтусы, стены, шкафы и т. д. ДДТ или гексахлораном так же, как при уничтожении клопов.

Можно вести борьбу и по-другому. Берется в равных частях бура, сахарная пудра (толченый сахарный песок) и пшеничная мука. Смесь насыпают в местах скопления тараканов. Травят их и кусочками хлеба, смоченными в растворе буры (чайная ложка на стакан воды). Приманки лучше всего насыпать или класть в блюдца, тарелки. Через неделю приманки сжигают.

МУРАВЬИ разрушают отдельные части здания, загрязняют продукты и являются переносчиками брюшного тифа, дизентерии.

В местах гнездования муравьев посыпают ДДТ, гексахлораном, пиретрумом. На путях передвижения му-

равьев кладут липкую бумагу. Лучше всего истреблять этих насекомых, применяя отравленные приманки. В эмалированную кастрюлю наливают два граненых стакана воды (400 граммов), нагревают ее почти до кипения и насыпают туда $\frac{3}{4}$ стакана сахарного песка и четверть чайной ложки буры. На слабом огне тщательно все перемешивают до полного растворения буры и сахара. В охлажденную смесь добавляют половину чайной ложки меда. Этим составом смачивают кусочки ваты и раскладывают их в местах скопления муравьев. Через 10—15 дней приманку заменяют свежей.

МУХИ — самые опасные переносчики различных инфекций. Борьба с ними в основном сводится к соблюдению чистоты в доме, во дворе. Рекомендуется особенно тщательно мыть посуду и стол, на котором готовят пищу. Продукты следует хранить хорошо закрытыми.

Появившихся мух можно уничтожить с помощью липкой или ядовитой бумаги. Ядовитую бумагу кладут в тарелку, смачивают горячей водой, в которой разведен сахар или сахарный сироп. По мере высыхания бумагу смачивают водой.

Липкую бумагу можно приготовить самим. Для этого толкут канифоль, затем подогревают растительное масло, высыпая в него канифоль и держат смесь на маленьком огне до полного растворения канифоли. В остывающую кашлицу добавляют мед или сахарный песок. Полученной массой намазывают бумажные ленты и развешивают их в нужных местах.

Ядовитую бумагу готовят так. Черный перец растирают в порошок. Затем смешивают 2 весовых части толченого перца с 2 частями сахара и 3 частями молока. Полученным составом пропитывают бумагу. Очень хорошо для борьбы с мухами опыляют оконные рамы и подоконники порошком ДДТ. Им же следует посыпать мусор, дворовые уборные.

А. ШЕПЕЛЕВ

На первой странице обложки: «ПТИЦЫ ПОЮТ». Акварель Н. ЖУКОВА.
На четвертой странице обложки: «ВЕСНА». Фото А. СТАНОВОВА.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.

Технический редактор С. СУРОВЦЕВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение — «Школа вязания», урок третий, выкройка халата и фартука и рисунок для вышивания.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. А. КОБЧИКОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48.

А 00058. Подп. к печ. 26/III 1963 г. Тираж 3 200 000 экз. Изд. № 552. Заказ № 694. Формат бум. 60×90/16. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

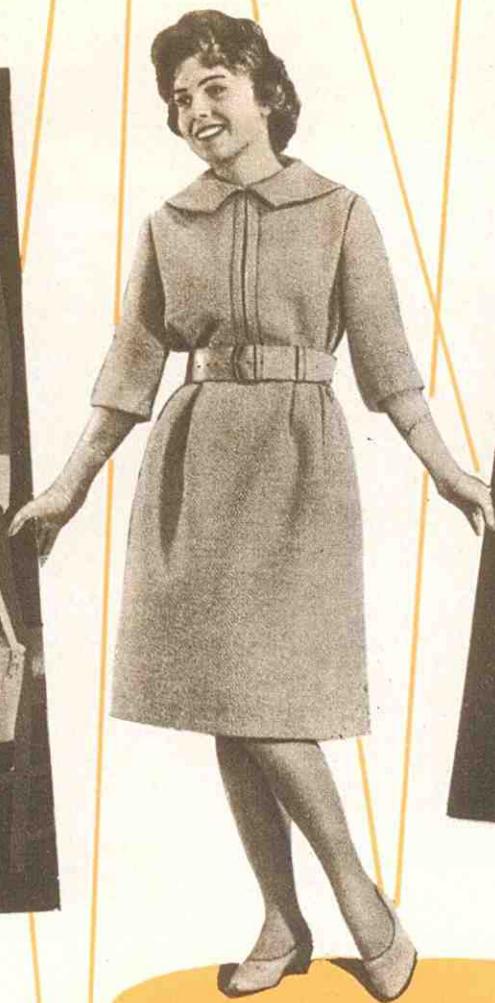
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Однорбортное пальто прямого покроя. Карманы прорезные, с клапанами.

Спортивное платье, отрезное по линии талии. На лифе накладные карманы. Юбка раскошенная, с четырьмя встречными складками.

Костюм «тройка». Жакет и юбка прямого покроя. Жакет оканчивается притачным пояском. Блуза из набивного шел-

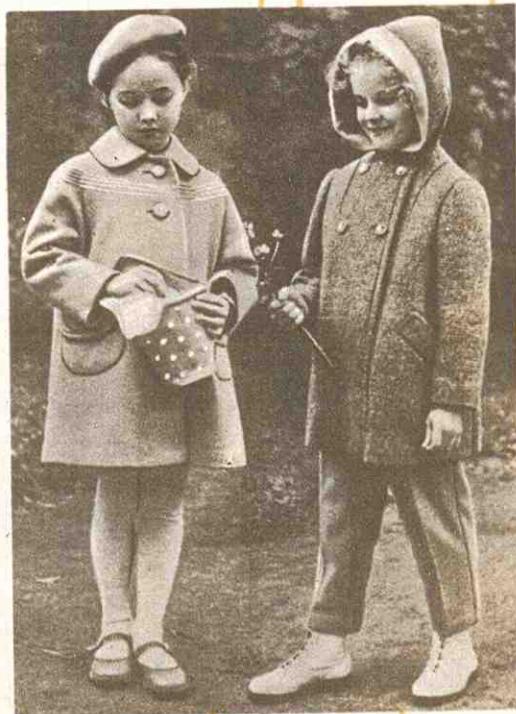

МОДЫ

ка или штапеля с короткими рукавами и галстуком.

Платье из плотной ткани, отрезное по линии талии. На юбке заложены неглубокие складки. Пояс широкий, желательно кожаный.

Однорбортное пальто, отделанное строчкой, для девочки. Рядом—двубортное пальто с капюшоном на светлой подкладке.

Цена номера 10 копеек.

35 Индекс 70434

